

ПЛЕТУЩИЙ

Максим Резниченко

Плетущие

Максим Резниченко

Плетущий

«Автор»

2013

Резниченко М. Г.

Плетущий / М. Г. Резниченко — «Автор», 2013 — (Плетущие)

Значительную часть жизни люди проводят во сне. Не все, но многие видят сновидения. Некоторые запоминают их и даже записывают. Сны бывают самыми разными: странными, пугающими, счастливыми, веселыми и даже, как утверждают некоторые, пророческими. Но есть такие люди, которые не просто видят сны – они способны контролировать и управлять сновидениями. Своими и чужими! Они называют себя Плетущими. После того, как Оружейник, один из Плетущих, попал однажды в странный сон, его затягивает в стремительную круговерть событий: схватки со смертельно опасными тварями – порождениями человеческих страхов, гибель друга, встреча с неизвестным противником, который охотится на Плетущих. Но Оружейник верит, что сможет найти врага и остановить охоту. Он верит, что ему хватит сил.

© Резниченко М. Г., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Максим Геннадиевич Резниченко

Плетущий

Пролог

Ничто, кроме собственного дыхания, не нарушает тишину лестничного колодца. Экономя силы, я неспешно поднимаюсь на нужный этаж. На стене виднеется трафаретно выкрашенная восьмерка. Останавливаюсь, чтобы восстановить и без того почти ровное дыхание и проверить состояние экипировки.

Тихо, очень тихо. Не слышно даже сквозняка. Настроившись нужным образом, коротко «созерцаю». В сером Ничто вижу человеческий силуэт, расположенный почему-то горизонтально, словно он лежит. Неизвестный светится ярким белым светом так, как может светиться только Плетущий. Выходит, ко мне в гости пожаловал коллега. Ну что же, осталось недолго, чтобы выяснить, зачем.

Лифтовая площадка встречает такой же тусклой лампой, как и те, что горят на лестнице. Длинный коридор тянется в обе стороны. На секунду останавливаюсь, сверяясь с Зовом, что ведет меня, с расположением силуэта Плетущего, который я «созерцал» минуту назад. Как и следовало ожидать, оба направления полностью совпадают.

Мне уже не нужен Зов, чтобы понять, что цель моего пути находится за приоткрытой дверью, сквозь щель которой пробивается более мощный свет. Скорее по привычке, касаюсь пистолета в кобуре на бедре, проверяя его наличие.

За дверью слышен невнятный и почти неразличимый шорох. Толкаю ее ладонью, и та медленно и без скрипа открывается. За ней бежевая стена прихожей, обклеенная обоями в невнятный узор. На полу ламинат. Пустая вешалка для одежды. Вот и все, что я вижу. Высоко поднимая колени, захожу внутрь и сразу фиксирую темный проход слева. Вероятно, он ведет на кухню. Прямо передо мной закрытая дверь с вставкой из цветного стекла. Справа – прямоугольник дверного проема справа, откуда льется свет.

Я вздрагиваю от неожиданности, когда тишину нарушает детский плач. Он доносится из освещенной комнаты, где видна часть мебельного гарнитура и светлый ковер на полу. Замираю и внимательно вслушиваюсь, но, кроме плача, ничего не слышу. Ребенок, похоже, совсем мал. Он плачет громко и требовательно, как плачут самые маленькие, привлекая внимание мамы. Я не «созерцаю», чтобы проверить, откуда взялся ребенок. Уверен, еще минуту назад его не было, а для его появления не было ни одного подходящего момента.

Дитя продолжает самозабвенно и взахлеб кричать, когда я, осторожно ступая, заглядываю в комнату. Тело человека – Плетущего – вижу сразу. Им оказывается молодая женщина. Она лежит с закрытыми глазами на диване слева от дверного проема. Ее темные волосы разбросаны по подушке. У нее широкие скулы и правильные черты лица. За диваном стоит детская кроватка, в которой плачет, размахивая ручками и пиная ножками воздух, малыш. Ясно, что ребенок пытается докричаться до мамы. Вот только она не в состоянии утешить его – без сознания этого сделать невозможно.

Больше никого в комнате нет. Я прислушиваюсь к своим ощущениям и хочу убедиться, что странный Зов исходит именно от девушки. Непонятная ситуация... Подхожу к дивану, чтобы лучше осмотреть Плетущую, разбудить ее или оказать помощь, потому что бессознательный Плетущий во сне – явление само по себе крайне необычное и тревожное.

Склоняюсь над девушкой, чтобы рассмотреть нечто на ее лбу. Неожиданно в этот миг что-то сильно бьет меня в грудь. Не могу удержать равновесие, но и упасть не получается. Новый удар приходится в бок, болезненно отдается в районе шеи, и я вдруг понимаю, что

вылетаю из квартиры в коридор. Еще удар – и я оказываюсь на лифтовой площадке. Удары следуют один за другим, но это меня не удивляет. Такое случается, если чужое сознание, с которым невольно сталкиваешься во сне, безмерно напугано или находится в глубоком стрессовом состоянии. Либо другой Плетущий может таким образом «выбить» из сна. Нет, определенно, меня из сна выбивает не Плетущая – она пребывает без сознания. Я ничего не успеваю предпринять – все происходит в какие-то мгновения. Последний удар поднимает меня с пола и швыряет с площадки на лестницу. Не раздумывая ни секунды, начинаю процесс ухода. Подомной мелькают перила, и я понимаю, что лечу вниз с восьмого этажа на темнеющий где-то внизу асфальт.

Покидая этот сон, чтобы спастись, понимаю, что же я увидел на лбу девушки: ярко-алым огненным цветом на ее челе проступила цифра семь.

Часть 1

Побеждая страх

Оставайтесь голодными. Оставайтесь безрассудными.
Стив Джобс

Глава 1

– Здравствуйте, дети! – громко произносит незнакомая женщина невысокого роста с ясными серыми глазами и седыми волосами. Ее строгое лицо кажется жестким и добрым одновременно. Не знаю, может ли такое быть, но по-другому описать ее не получается. Мне, 8-летнему мальчишке, до сих пор не приходилось видеть людей с такими лицами и с такими пронзительными глазами, которые, кажется, видят тебя насквозь.

Какое-то время я сижу в недоумении и оглядываюсь по сторонам. Оказывается, я нахожусь в обычном школьном классе, заполненном такими же, как я, детьми. Все одеты по-разному, хотя это не укладывается в голове, потому что за отсутствие школьной формы – темно-синего костюма у мальчиков и коричневых платьев с черным фартуком у девочек – к занятиям не допускали.

Я сижу на второй парте в среднем ряду. Рядом – незнакомая девочка со светлыми волосами и голубыми глазами. На ней надета футболка и джинсовый комбинезон. Как и я, она непонимающе смотрит по сторонам, а потом глядит на меня.

Что-то кажется мне неправильным в этом месте, но что – не могу понять. Да и вообще я не в состоянии вспомнить, как здесь оказался, как шел в школу и что это за урок. Гул голосов вокруг с каждой секундой становится громче, когда дети начинают о чем-то говорить, спрашивать и даже возмущаться.

– Привет! – обращается ко мне соседка.

– Привет, – отвечаю неуверенно. Я невероятно смущен тем, что эта девочка заговорила со мной. Она очень симпатичная, но я совершенно не знаю, как себя вести. Обычно я не разговариваю с девочками, а общаюсь только со своими друзьями на наши сугубо мужские темы.

– Меня зовут Соня, – говорит она. – А тебя?

– Хм... Максим, – отвечаю запнувшись.

– А...

Моя новая знакомая так и не успевает ничего сказать. В это время женщина у учительского стола, до сих пор спокойно наблюдавшая за классом, громко произносит снова:

– Здравствуйте, дети!

В помещении сразу наступает тишина. Все замолкают, оглядываясь на сильный и властный голос. Хотя я ошибаюсь – в соседнем ряду чернявый мальчик продолжает о чем-то говорить с соседом по парте.

Я так и не понял, что случилось, но, как только она посмотрела на болтуна, тот исчез, будто растворился в воздухе! При этом ее непонятные слова, сказанные вполголоса, долетают до моих ушей: «Слишком много болтает. Такие мне не нужны». Удивленная не меньше моего, Соня оборачивается ко мне и делает круглые глаза, словно спрашивает: «Ты это видел?»

Когда женщина все с тем же спокойствием здоровается в третий раз, ей отвечает нестройный хор голосов, а кто-то даже встает, привычно приветствуя учителя. Остальные, и я в том числе, присоединяются, и через десяток секунд стоит уже весь класс. Женщина внимательно глядит на нас без малейшей эмоции и произносит:

– Садитесь.

Несколько секунд стоит грохот придвигаемых стульев, и, когда дети усаживаются, снова наступает тишина.

– А что это за урок? – доносится голос сзади.

– Кто спрашивает? – женщина ищет взглядом заговорившего.

Я, как и все, оборачиваюсь на звук голоса.

– Я, – краснеет рыжеволосый мальчик с веснушками на лице, смущенный всеобщим вниманием.

– Встань, пожалуйста.

Рыжий, как я его сразу называю про себя из-за цвета волос, поднимается из-за парты, не отрывая взгляда от женщины.

– Если вы хотите что-то сказать или обратиться ко мне с вопросом, – говорит она всем детям, – сначала нужно поднять руку и только после моего разрешения задавать его. Ясно?

Мальчик кивает и тут же, спохватившись, отвечает вслух:

– Ясно.

– Хорошо, садись. Сейчас я отвечу на твой вопрос, но прежде представлюсь.

Рыжий опускается на стул, и все снова оборачиваются к женщине.

– Итак, меня зовут Марина Яковлевна. Можете называть меня так или просто – Учительница. С этого момента я начну обучать вас искусству Плетущих. Что это такое, объясню позже, потому что сперва хочу услышать, какие вопросы у вас есть.

Я слушаю ее с огромным удивлением, совершенно не понимая, о чем она говорит. Какое искусство? Какие Плетущие? Что это за предмет? Я не помню, чтобы в школе была такая дисциплина.

– Слушаю, – кивает Учительница кому-то с задних рядов.

– Как называется ваш предмет? – снова спрашивает Рыжий.

– Предметов будет много, – отвечает Марина Яковлевна, – и учить вас буду не я одна.

– Но нам никто не говорил о ваших уроках. У нас даже учебников нет по вашему... по вашим предметам, – недоумевает мальчик.

– Вам никто и не мог рассказать обо мне, потому что мои предметы не предусмотрены обычной школьной программой, – серьезно отвечает Учительница, и я понимаю, что мне нравится, как она разговаривает с нами – словно со взрослыми, а не старается, как большинство учителей, отмахнуться от некоторых вопросов.

– Я не помню, как здесь оказалась, – жалобно произносит девочка за соседней партой.

– У тебя есть еще вопросы? – спрашивает женщина Рыжего.

– Я тоже не помню, как здесь оказался, – произносит он удивленно.

– И я...

– Я тоже...

Недоуменные испуганные голоса детей становятся громче, когда они высказывают вслух одну и ту же мысль.

– А ты помнишь? – спрашивает меня соседка по парте.

– Нет, – отвечаю ей. – А ты?

– Тоже не помню.

– Дети! – голос Учительницы звучит резко и громко, отчего все замолкают, а некоторые даже испуганно смотрят на нее. – Дети, – уже гораздо спокойнее повторяет она, – вы не помните, почему здесь оказались по весьма простой причине. Это место вам снится, и сейчас вы спите дома в своих кроватях.

Несколько мгновений после ее заявления стоит мертвая тишина, а потом от нее не остается и следа. Слышны удивленные восклицания, восторженные крики, жалобные причитания, недоуменные возгласы. Я молча пытаюсь понять и осмыслить услышанное. Конечно, мне тоже

хочется крикнуть что-то наподобие «Ух, ты!» или «Круто!» Но в окружении незнакомых мне сверстников я чувствую себя не совсем комфортно.

– Ты слышал?! – Соня в порыве чувств толкает меня в плечо. – Мы спим! Правда, здорово?!

Была бы она мальчиком, я бы толкнул ее в ответ, но я не уверен, что она сможет усидеть на стуле после моего толчка, поэтому бурчу себе под нос: «Да, прикольно».

– Ты чего такой серьезный? – спрашивает она меня, но, к счастью, мне не приходится отвечать. Учительница снова начинает говорить и в очередной раз удивляет нас.

– А сейчас, дети, – произносит она, и гул голосов смолкает, – я хочу, чтобы те из вас, кто желает немедленно проснуться и оказаться у себя в кровати, подняли руку.

– Я хочу, – говорит девочка, которая первая призналась, что не помнит, как здесь оказалась. Вслед за ней поднимают руки и другие дети. Марина Яковлевна пытается выяснить у каждого причину желания проснуться. Как правило, ей в ответ звучит «Просто хочу домой». И только один или два раза «Боюсь». После недолгого размышления поднимаю руку и я, на что моя соседка реагирует весьма бурно:

– Ты чего?! Оставайся, это же интересно! – и добавляет, слегка прищурив глаза: – Или ты испугался?

Я не отвечаю ей и лишь пожимаю плечами в ответ. Просто чувствую себя очень неудобно в обществе совершенно незнакомых ребят и девчонок. А еще мне кажется, что на их фоне я выгляжу каким-то зажатым и неуверенным. Я даже одет не в джинсы, а в свой школьный темно-синий костюм. Больше так никто не выглядит. Честно говоря, у меня и не было никогда джинсов...

Проходит какое-то время, и класс стремительно пустеет. Марина Яковлевна, узнав причину нежелания детей остаться, делает так, что они просто исчезают. Кроме меня, никто не сидит с поднятой рукой, и вот Учительница обращается ко мне:

– Как тебя зовут?

– Максим.

– Ты хочешь проснуться и оказаться дома?

– Да.

– Можешь объяснить, почему?

– Могу, – я стараюсь выглядеть серьезным, потому что Марина Яковлевна говорит со мной будто мне не восемь лет, а намного больше. – Мне нужно хорошо отдохнуть. Завтра у меня контрольная по математике, и, если я не высплюсь, могу плохо ее написать.

– То есть ты хочешь покинуть этот сон, чтобы оказаться дома и снова уснуть для отдыха перед завтрашним экзаменом?

– Не экзаменом, а контрольной, – поправляю ее.

– Да, извини, контрольной, – я впервые вижу, что Учительница выглядит удивленной. – Скажи, если бы не твоя контрольная по математике, ты бы остался?

Ее вопрос звучит для меня странно. Кто же отменит контрольную?

– Я не знаю.

– Ответь, пожалуйста, однозначно.

Гляжу на нее непонимающе. Как это «однозначно»?

– Я имею в виду «да» или «нет».

– Наверное, да, – отвечаю ей после секундных раздумий.

– Ты можешь сказать, почему бы ты остался?

– Мне интересно узнать, почему я вижу такой четкий сон.

– Очень хорошо, – тихо говорит она и уже громче спрашивает: – Ты бы остался, если бы знал, что сможешь все равно хорошо отдохнуть перед завтрашней контрольной?

– Как же я отдохну, если буду находиться здесь и что-то делать?

- О, нет, сегодня мы заниматься не будем. Сегодня у нас только знакомство.
- Тогда я бы хотел спросить у вас еще кое-что, – говорю я, приняв для себя решение. –

Кто такие Плетущие?

– Плетущие, – так же серьезно отвечает Марина Яковлевна, – это люди, которые могут контролировать и управлять своими и чужими снами.

– Для чего?

– Чтобы помогать другим – тем, которые беспомощны в своих снах.

– Но зачем помогать другим людям? Я имею в виду, это же сон. Что может такого случиться во сне? – удивляюсь я.

– Что же, – отвечает Учительница не сразу, – я так понимаю, ты остаешься в классе?

– Да, остаюсь.

– В таком случае давайте я сначала кое-что объясню, прежде чем продолжить рассказ о том, кто такие Плетущие, и для чего они нужны.

Одобрительный негромкий гул служит ей ответом. К этому времени в классе остается меньше половины из тех, кто был здесь с самого начала. Рыжеволосый мальчик ловит мой взгляд, кивает и машет мне рукой. Киваю ему в ответ.

– Молодец, что остался, – шепотом сообщает мне Соня. – Ты из какой школы?

– Из пятой, – тихо отвечаю я.

– Пятой? Не слышала о такой. Где это?

– Где же еще? В Южно-Сахалинске, – пытаюсь ее поддеть.

– Где? Ты что, не из Москвы? – искренне удивляется она.

– Это же сон, – напоминаю ей, – значит, мы можем быть из разных мест.

– Ты прав, – вмешивается Марина Яковлевна – свидетель нашего негромкого разговора. – Вам всем снится один и тот же сон, но это совсем не значит, что наяву вы живете в одном городе или на одной улице. Можете подсесть ближе, и давайте я продолжу занятие в виде семинара. Если вы захотите что-либо спросить, можете не поднимать рук и не вставать из-за парт. Но это исключение из общего правила поведения на уроках, и оно будет действовать только сегодня. Так что, – хитро подмигивает она нам, – пользуйтесь моментом.

Негромкие смешки и одобрительные комментарии слышны в ответ. Дети пересаживаются ближе, занимают освободившиеся места тех, кто не пожелал остаться.

– На чем я остановилась, кто скажет? – спрашивает она, когда все усаживаются.

– На том, что мы из разных мест, – напоминает Соня и тем самым заслуживает одобрительный кивок Учительницы.

– Да, так вот... Вы все обладаете определенной силой, которая хорошо видна, если уметь ее видеть.

– Вы нас научите этому? – спрашивает рыжеволосый.

– Конечно. Этой теме будет посвящено одно из первых наших занятий. Видеть или, как говорят Плетущие, «созерцать» жизненно необходимо, потому что тогда вы сможете определить, кого вы видите во сне.

– А кого можно увидеть? – спрашивает мальчик со светлыми волосами.

– Других Плетущих. Они выглядят как светящиеся белым светом человеческие силуэты. Вы можете увидеть обычных людей. В отличие от Плетущих их силуэты почти не светятся, но зато почти у всех внутри можно рассмотреть сгусток света. Он бывает разных размеров и называется искрой.

– Марина Яковлевна, – обращаюсь я к ней, когда она ненадолго замолкает, – скажите, для чего нужны Плетущие?

– Как я уже говорила, наше призвание – помогать другим людям.

– Как у Суперменов? – вставляет Рыжий.

– Нет, – улыбается Учительница, – Плетущие не умеют летать, но в остальном аналогия верна.

– Что? – не понимает мальчик, услышав незнакомое слово.

– Я говорю, что, кроме невозможности летать, сравнение с Суперменом из комиксов вполне оправдано. Плетущие не получают за работу никаких денег. Они просто следуют своему призванию. Однако, как и в комиксах, где присутствует один или несколько антигероев, в мире снов также есть некие субстанции... Существа, – уточняет она, увидев наше общее замешательство, связанное с незнакомыми словами, – с которыми Плетущие борются и от которых защищают обычных людей.

– Вы сказали, что Плетущие не умеют летать, – вдруг говорит Соня, – но я-то летала во сне. Получается, Плетущие слабее, если не умеют делать то, что могут обычные люди?

– Нет, – смеется Учительница, – дело в том, что обычный человек во сне может видеть самые разные вещи, но это не значит, что они подвластны ему.

– Как это?

– Если вдруг тебе захочется полетать именно сегодня ночью, у тебя вряд ли это получится.

– Да, я столько раз хотела повторить полет, но все напрасно.

– Я говорю именно об этом, – кивает Марина Яковлевна. – Полет во сне – это не более чем игра вашего воображения. И он происходит неконтролируемо, то есть вы летите не туда, куда хотите, а куда вас несет. Ну а когда вы пытаетесь его контролировать, вы или падаете, или просыпаетесь, правильно?

– Да, – отвечает ей сразу несколько ребят.

– Скажите, пожалуйста, – говорит мальчик со светлыми волосами, – вы говорили, что Плетущие могут «созерцать». А кого еще они видят, кроме других Плетущих и обычных людей? Вы говорили о каких-то существах...

– Хороший вопрос, – кивает она одобрительно. – В мире снов, помимо людей, обитают еще и другие создания.

– Они опасны? – тут же спрашивает Рыжий.

– Опасны, – серьезно отвечает Учительница. – Именно от них мы защищаем людей.

– А насколько они опасны? – слабым голосом переспрашивает один из ребят. Я не вижу кто, потому что с замиранием сердца смотрю на Марину Яковлевну.

– Как правило, не очень, – отвечает она, – но иногда встречаются и опасные экземпляры, которые представляют серьезную угрозу.

– И с ними мы должны бороться? – тот же голос спрашивает еще более испуганно.

– Должны... – секундная пауза. – Ты хочешь уйти?

Все оборачиваются, и мальчик говорит:

– Да.

– Я научу вас находить и уничтожать их, – произносит Учительница.

– Я хочу домой.

– Ну что же, тогда прощай, – и испуганный мальчик исчезает. – Кто еще хочет уйти?

– Я.

– И я...

Она не делает ничего, но все они моментально пропадают.

– В течение первых трех лет, – спокойно произносит Марина Яковлевна, – любой из вас сможет прекратить обучение и вернуться к обычной жизни, однако ничего из того, что узнает, он помнить не будет. Если такое желание возникнет позже, вам придется закончить обучение, потому что стирание памяти слишком большого объема может нарушить работу вашего мозга.

После этих слов еще две девочки покидают нас, и в классе остается десять детей.

– А как мы будем искать и уничтожать эти создания? – спрашиваю я.

– Эту тему мы начнем изучать как раз на третий год обучения.

– Сколько всего мы должны учиться?

– Десять лет.

– Сколько?! – восклицает Рыжий. – Как в школе?

– Да, как в школе, – едва улыбается Марина Яковлевна.

– Когда же мы будем отдыхать? – недоверчиво спрашивает Соня.

– Как и все люди, ночью, – отвечает Учительница. – Со временем вы сможете обходиться не девятью-десятью часами сна, а гораздо меньшим количеством. И этого будет достаточно для полноценного отдыха. Это будет первое, что мы начнем изучать, и приступим к этому уже завтра.

– Что еще умеют Плетущие? – спрашивает темноволосая девочка позади нас.

– Все, что наяву, и намного больше, – улыбается Марина Яковлевна.

– Как это? – удивляюсь я.

Секунду назад у нее в руке ничего не было, а в следующий миг, словно из ниоткуда, в ладони появляется стеклянный стакан с ярко-желтой жидкостью. В нос бьет одуряющий и такой знакомый запах апельсинов, которые родители покупают только по праздникам, да и то не каждый раз и всего лишь по несколько штук.

– Что это? Апельсиновый сок? – ошарашено спрашивает Соня.

Аромат настолько силен, что я невольно сглатываю слюну. К моему огромному смущению, это происходит так громко, что все оборачиваются. А в следующую секунду на парту передо мной Учительница ставит еще один точно такой же стакан, до краев наполненный желтой жидкостью, с крохотными кусочками и тонкой белой пенкой из крошечных пузырьков.

– Угощайся, – улыбается Марина Яковлевна.

Я подавляю в себе сиюсекундный порыв схватить большой стеклянный стакан, мутный от влаги, стекающей по стенкам прозрачными каплями. Чтобы поблагодарить Учительницу, мне приходится откашляться. Я беру стакан и поворачиваюсь к Соне.

– Угощайся, – невольно повторяю я за женщиной, протягивая девочке стакан.

Соня удивленно переводит взгляд с меня на стакан и обратно. Надеюсь, я выгляжу сейчас не так жалко, как мне кажется. Папа недавно рассказывал, что настоящий мужчина, в первую очередь, проявляет заботу о женщине, а только потом – о себе. Хотелось бы выглядеть настоящим мужчиной.

– Спасибо, – Соня принимает стакан из моей руки и несмело делает глоток.

– Тили-тили тесто! Жених и невеста! – радостно гомонит Рыжий, но делает это совершенно беззлобно. А когда я поворачиваюсь к нему, чтобы ответить, весело подмигивает, и мое раздражение моментально улетучивается.

– Для истинного джентльмена, – говорит Учительница и протягивает мне новый стакан с соком. – Это для тебя. Пей. А это для остальных.

В ее руках появляются такие же стаканы. Она ставит их на стол рыжеволосому весельчаку, и тот с шутками и смехом передает их остальным.

– Семен, – он протягивает мне руку через проход между нашими рядами.

– Максим, – отвечаю я на рукопожатие.

– А меня зовут Соня, – представляется девочка.

– Соня? – переспрашивает он.

– Да.

– Подходящее имя для Плетущей. Ты любишь спать? – он смеется весело и задорно, вызывая улыбку и у меня.

– А ты... – негодуяще начинает она. – Ты... Ты Рыжий, вот ты кто!

– А-ха-ха-ха! Соня-засоня!

– Ах, так! Ну я тебе сейчас... – она делает вид, что пытается подняться, но передумывает и бросает ему так же беззлобно: – Земля круглая, еще подкатишься.

Это вызывает у мальчика новый взрыв смеха, и вместе с ним смеются остальные. Мне кажется, этот веселый и радостный смех помогает нам расслабиться и снять напряжение. Я чувствую, насколько становится легче от того, что смеюсь от души.

Через несколько минут я знакомлюсь с остальными ребятами и больше не испытываю дискомфорта от близкого соседства с совершенно незнакомыми мне мальчиками и девочками. Какое-то время Марина Яковлевна кормит нас разными фруктами, сладостями и даже мороженым. Все просто без ума от возможности попробовать импортную шоколадку, что в наше время – настоящая редкость, или съесть клубничное мороженое.

– Можно ли наестся этой едой? – неожиданно спрашивает Учительницу Семен.

Как по команде, все моментально умолкают, ожидая ответа.

– Когда вы, – начинает женщина, – находитесь во сне, то можете испытывать жажду или чувство голода. Те продукты, которые вы сможете создать, утолят и то, и другое.

– А можно ими наестся так, чтобы, когда я проснусь, есть не хотелось? – снова задает он вопрос.

– Можно, – кивает Марина Яковлевна, чем вызывает настоящий всплеск вопросов, – но не нужно.

– Почему? – в недоуменной тишине спрашивает Семен.

– Потому что это хороший способ сначала просто похудеть, а потом превратиться в дистрофика. Вы должны понимать, что еда, которую создает Плетущий, ненастоящая, поэтому удовлетворить реальные потребности организма она не в состоянии. А чувство сытости, которое возникнет после пробуждения, – это просто обман. Ведь ощущение голода является следствием работы особого пищевого центра, расположенного в подкорковых ядрах промежуточного мозга...

Учительница умолкает, глядя на наши вытянутые лица, неопределенно хмыкает и продолжает:

– В общем, если в двух словах, то ваше сознание, которое живет во сне, просто обманывает мозг, когда вы что-то кушаете или пьете в этом самом сне. В итоге получается так: приблизительно три-четыре часа после пробуждения ваш мозг твердо верит, что тело сыто, хотя сигналы о чувстве голода и насыщения... – Марина Яковлевна снова запинаясь, когда понимает, что говорит на языке, понятном ей одной.

– Мы все поняли, – приходит ей на помощь Семен, – во сне лучше не наедаться и не напиваться. А как обстоит дело с тем, чтобы сходить в туалет?

Взрыв смеха сопровождает его вопрос, и Учительница, не скрывая улыбки, отвечает:

– Во сне лучше не пытаться справить нужду.

– Почему?

– Потому что, когда проснетесь, вас будет ожидать неприятный сюрприз.

Время идет незаметно, и Марина Яковлевна в какой-то момент серьезно обращается к нам:

– На сегодня наше общение закончено.

Ее сообщение сопровождается вздохами разочарования и долгими «ууу». Я и сам расстроен, что придется прервать такую занимательную беседу. Безусловно, я ни секунды не жалею, что решил остаться. К тому же у меня появились новые друзья, с которыми мне интересно и весело.

– Вам нужно отдохнуть, потому что кое у кого завтра контрольная по математике. Кроме того, для вашего первого, такого необычного, сна времени потрачено немало. И не нужно расстраиваться – завтра мы снова увидимся.

– Как нам проснуться? – спрашивает Соня.

– Об этом не беспокойтесь. Я сама займусь этим. Только хочу сказать еще кое-что на прощание.

Взгляды десяти человек останавливаются на ее лице в ожидании.

– Вам не следует никому рассказывать о том, какой сон вы сегодня видели.

– Почему? – спрашивает Семен, к которому уже крепко приклеилось прозвище Рыжий.

– Потому что, во-первых, вам никто не поверит, – отвечает она. – А во-вторых, людям будет неприятно узнать, что кто-то может быть сильнее их – это в том случае, если вам все-таки поверят и узнают о существовании Плетущих. Со временем вы сами все поймете, а пока просто никому не рассказывайте о своих новых снах.

– Даже родителям? – интересуется кто-то.

– Особенно родителям, – Учительница делает акцент на первом слове. – Мне не очень приятно об этом говорить, но если кто-нибудь из вас проговорится, то в тот же день прекратит обучение с последующим стиранием из памяти событий, связанных с нашей деятельностью. А теперь давайте прощаться.

– До завтра, – все так же весело подмигивает мне Семен.

– Пока, – киваю ему, но мальчик уже исчезает.

– Пока, – прощается со мной Соня и тает в воздухе.

В последние мгновенья, перед тем как исчезнуть самому, я все-таки успеваю понять, что же меня так смущало и вызывало чувство некоей неправильности.

– До завтра, Максим, – прощается Марина Яковлевна со мной последним в пустом классе.

А я смотрю в высокие, от пола почти до самого потолка, окна класса, за которыми видно только синее-синее небо с плывущими облаками.

Глава 2

– Здравствуйте, дети! – привычно здоровается Марина Яковлевна, входя в класс. За дверью, через которую она вошла, мне удается разглядеть отнюдь не школьный коридор, а помещение с большим окном, за которым видны далекие горы со снежными шапками.

– Здравствуйте, – нестройным хором здороваемся мы, вставая из-за парт, расположенных вокруг учительского стола. Их всего шесть, как и детей, продолжающих обучение.

Хотя мы не считаем себя детьми, потому что нам уже по 10–11 лет. Еще полгода назад нас было восьмеро, но Марина Яковлевна прекратила обучение двух ребят. Они учились неплохо, и я до сих пор не знаю, что послужило причиной их отчисления. Помню, как Учительница еще при первом знакомстве рассказывала, что все, кто должен отсеяться, уйдут максимум на третьем году обучения. Выходит, что мы – Семен, Соня, Катя, Сергей, Клаус и я – будем учиться вместе оставшиеся шесть с небольшим лет. Пусть так, я совсем не против. Хотя было бы неплохо, если Марина Яковлевна убрала из класса еще и Клауса. Никто с ним не дружит, и никому он не нравится. Мы называем его Любимчиком из-за того, что Учительница всегда выделяет его и ставит нам в пример, когда при выполнении очередного задания он справляется с ним раньше остальных. Конечно, Марина Яковлевна хвалит и других, но это происходит довольно редко. И еще этот его взгляд словно свысока – хотя мы с ним одного роста, а девочки и вовсе его выше. И я, и Семен пытались наладить с ним отношения, но каждый раз словно на стену натыкались, равнодушную и холодную. Он отвечал на все вопросы, но делал это так... высокомерно, что ли. В общем, сейчас с ним никто не стремится общаться.

Мы садимся за парты. Справа от меня сидит Соня, правее нее – Семен, Катя, последним в ряду – Сергей. Слева от меня – Клаус. Так уж получилось, что мы сидим рядом – видимо, никто больше не мог выдержать его близкого соседства. Марина Яковлевна частенько называет его Коленкой, и я точно знаю, как сильно он не любит это имя, как оно его раздражает. И как бы он ни старался скрыть своих эмоций, у него это не получается.

– Сегодня мы приступаем к новой теме, – произносит Учительница, оглядывая нас. – Тема большая и называется «Огнестрельное оружие».

Справа от меня слышен оживленный шепот. Я не успеваю повернуть головы, а Марина Яковлевна уже говорит:

– Семен, ты хочешь что-то сказать или спросить?

Рыжий под нашими взглядами встает и задает вопрос:

– Мы будем стрелять?

– Конечно, – легкая улыбка трогает ее губы, – но не сегодня.

Со вздохом разочарования Семен садится.

– Это занятие, – продолжает тем временем она, – мы посвятим изучению устройства одного из самых лучших образцов автоматического огнестрельного оружия во всем мире. Точнее сегодня мы начнем изучение, потому что ни за одно, ни за два и даже за десять занятий вы не научитесь выполнять то, что должен Плетущий, – «воспроизводить» огнестрельное оружие.

– Сколько же мы будем это изучать? – с места спрашивает Рыжий.

– Все оставшееся время до окончания обучения, – отвечает она.

– Ничего себе!

– Ого!

– Это так сложно?

Удивленные и разочарованные голоса. Даже Клаус выглядит раздосадованным, хотя старается не подавать виду. Я также огорчен, но не спешу показывать эмоции и высказываться вслух.

– Это сложно, – кивает Учительница, и в классе моментально воцаряется тишина. – Вам уже нужно было понять: ничего из того, что должен знать и уметь настоящий Плетущий, не является легким.

– Итак, – продолжает она после короткой паузы, – сегодня, как я уже сказала, мы приступаем к изучению устройства автоматического огнестрельного оружия – автомата Калашникова с индексом 74. Для удобства его называют просто – АК-74.

Марина Яковлевна разворачивается и на широкую доску за спиной вывешивает появляющиеся, словно из ниоткуда, плакаты с изображением автомата. На одном рисунке он показан полностью и в цвете, на другом – схематически, на третьем – изображен непонятный мне механизм.

– Я такой видел, – громко шепчет Рыжий.

– Я тоже.

– И я.

Чего уж скрывать – видел такой автомат и я, но только не знал точно, как он правильно называется. В американских боевиках, что крутят все видеосалоны, именно из таких автоматов многочисленные злодеи пытаются убить главных героев.

Вывесив последний плакат, Учительница оборачивается, и разговоры тут же стихают.

– Итак, – говорит она, – на первом плакате изображен автомат Калашникова в собранном виде, на втором – его схематическое изображение, на третьем – ударно-спусковой механизм, который мы начнем изучать в первую очередь. Да, Семен?

– Что такое ударно-спусковой механизм?

– Садись, я все объясню, но сперва вы должны понимать, для чего устройство, принципы работы и вообще ТТХ огнестрельного оружия вам необходимо знать не просто хорошо, а идеально. Так, чтобы вы смогли «достать» оружие за считанные секунды.

Марина Яковлевна на несколько мгновений замирает, а потом в ее руках появляется автомат, который немного отличается от изображенного на плакатах. По классу проносится изумленный вздох, а Катя тянет руку.

– Что, Катерина?

– А что такое ТТХ?

– ТТХ – это аббревиатура, – отвечает Учительница. – Она расшифровывается как «Тактико-технические характеристики». Садись или у тебя еще что-то?

– Нет, – и она опускается на стул.

– Огнестрельное оружие, – Марина Яковлевна кладет на стол автомат, и он, к нашему величайшему удивлению, исчезает спустя несколько секунд, а Учительница продолжает, – это средство, к которому умелый и опытный Плетущий во время работы в сновидениях прибегает крайне редко. Однако, нужно признать, что не всегда у вас будет возможность плести ткань того или иного сна. Особенно это касается тех моментов, когда вы вынуждены работать в сновидении другого Плетущего, где ваши возможности воздействия на реальность ограничены. В таких случаях для защиты себя и людей вы должны использовать огнестрельное оружие. Да, Семен?

Рыжий, опуская руку, встает из-за парты и спрашивает:

– Марина Яковлевна, почему нельзя защищаться мечом или использовать лук?

– А как вы сами думаете? – спрашивает в свою очередь она. – Максим, что ты скажешь?

Скрывая удивление (ведь я не поднимал руки, чтобы ответить), встаю из-за парты и говорю очевидное:

– Наверное, автомат лучше использовать, чтобы поразить врага на расстоянии.

– Правильно, – кивает Учительница.

– Можно и из лука попасть, – возражает Семен.

– Ты из него стрелять сначала научись, – кажется, Соня читает мои мысли.

– И научусь! – не сдаётся Рыжий.

Какая-то смутная мысль терзает меня, и я наконец озвучиваю ее:

– Марина Яковлевна, – обращаюсь я к ней, – скажите, от скольких противников может возникнуть необходимость защититься?

– Где именно? – переспрашивает она.

– В одном месте, – и поправляюсь, – в одном сне.

– Твари редко встречаются не поодиночке, – Учительница делает короткую паузу, чтобы глотнуть воды из появившегося в ее руке стакана, – но если их больше, чем одна, значит, монстров может быть любое количество.

– Любое? – удивляется Рыжий, но Марина Яковлевна словно не замечает, что мальчик перебивает ее самым недопустимым образом.

– Да, – кивает она, – любое. Их может быть и десяток, а может быть и сотня.

По классу проносится испуганный шепот, а Учительница продолжает:

– Однажды, хотя такое на самом деле бывало не раз, я столкнулась примерно с тысячью тварей... Все зависит от обстоятельств, от самого сна и его содержания.

Она умолкает, глядя на нас, и в потрясенной тишине громко звучит издевательский шепот Сони:

– Научишься, говоришь?

– Запомните, дети, – произносит Марина Яковлевна, – пребывая в чужом сне, вы возлагаете на себя ответственность за того человека, в чье сновидение попали. «Победи свой страх!» – это девиз Плетущих. Я вам не раз говорила и буду напоминать об этом постоянно. Однако нужно понимать, что это не просто слова. Они должны быть подкреплены вашей силой и возможностью ликвидировать любую угрозу, которую представляют твари. Вы, как будущие Плетущие, уже лишены того предохранительного механизма, которым обладают обычные люди. То есть в момент смертельной опасности обычного человека просто выкинет из сна, и он проснется. Плетущий же будет находиться в сновидении до тех пор, пока сам сознательно не покинет его.

Все, что говорит нам сейчас Учительница, мы знаем. Но теперь, когда речь идет об огнестрельном оружии и необходимости его использования, ее слова воспринимаются совсем по-другому.

– Однако, – продолжает Марина Яковлевна, – это вовсе не означает, что вы должны уничтожать первую попавшуюся тварь в чужом сне. Будь все так просто, мы бы назывались не Плетущими, а какими-нибудь Истребителями или Ликвидаторами. Наша задача заключается не в том, чтобы уничтожить как можно больше тварей – вовсе нет. Наша миссия состоит в создании таких условий, в которых монстры вообще не появились бы в сновидениях своих невольных создателей, обычных людей.

По классу проносится возбужденный шепот. Признаться, я и сам удивлен подобной формулировкой, ведь Марина Яковлевна еще ни разу подробно не рассказывала о тварях. Она лишь вскользь упоминала о них как о чем-то, с чем мы должны бороться.

– Но это, – она повышает голос, и в классе снова наступает тишина, – тема, к которой мы вернемся еще не скоро, а только тогда, когда вы освоите предстоящую. Итак, начнем. – Учительница отходит к доске с плакатами и указкой касается схематически изображенного оружия. – Автомат Калашникова назван так в честь своего создателя Михаила Тимофеевича Калашникова. Существует множество модификаций оружия, но мы будем изучать АК-74. Длина автомата составляет 869 миллиметров. Он имеет съемный магазин емкостью в 30 патронов, и его скорострельность составляет 775 выстрелов в минуту... Что, Семен?

– Как он может так стрелять, если в магазине всего 30 патронов? – удивленно спрашивает Рыжий.

– Скорострельность – одна из характеристик огнестрельного оружия, не более того, – отвечает Учительница.

– То есть чем она выше, тем лучше?

– Не всегда, – и поясняет, видя наше непонимание: – При выстреле возникает отдача, вследствие которой дуло автомата или любого другого огнестрельного оружия задирается вверх, то есть это означает, что прицел сбивается, и, чтобы снова выстрелить точно, нужно целиться заново. Поэтому скорострельность не тот показатель, по которому вы должны судить об автоматическом оружии.

– А по какому? – снова спрашивает Семен.

– Надежность. Мы дойдем и до этого.

Рыжий, готовый снова спросить, осекается и садится на место.

– Что, София? – обращается Учительница к девочке.

– Вы сказали «не всегда». А когда скорострельность нужна?

– Подумайте сами, – отвечает Марина Яковлевна. – Если вы ведете бой на дистанции, возникает необходимость в точном прицеливании. Но если так случается, что противник близко, именно тогда скорострельность автомата вам и пригодится. То есть когда нет необходимости тщательно прицеливаться. Я ответила на твой вопрос?

– Да, спасибо.

– А теперь вкратце о принципе работы этого, да и любого другого огнестрельного оружия. – Учительница делает шаг к плакату с изображением непонятного механизма и показывает на него указкой. – При нажатии спускового крючка... вот он... курок освобождается, поворачивается и бьет по ударнику. Вот здесь... Происходит взрыв пороха, заключенного в патрон. Соответственно, это и называется выстрелом. Пуля вылетает из ствола, а газы, образовавшиеся при взрыве, приводят в действие автоматику оружия и досылают следующий патрон в ствол. Вот почему такое оружие называется автоматическим. Сейчас вопросы есть?

Никто не задает вопросы, хотя лично у меня их появляется множество: о материале, из которого должны состоять эти курки, ударники, пули, о составе пороха, о размерах патронов и еще о многом другом. Но я не поднимаю руки, понимая, что ко всем этим деталям Учительница еще вернется. Честно говоря, сейчас я ощущаю нешуточный интерес к новой теме. А если точнее, мне очень любопытно узнать об оружии как можно больше. Ранее я не испытывал подобной жажды знаний, когда мы на протяжении трех лет мы изучали строения, структуры всего, что только можно представить. Сказано, конечно, громко, но так и есть. Нудно и долго мы «воспроизводили» всевозможные сплавы из металлов, пластиковые изделия различной плотности, объема и массы, начиная от вспененного полистирола и заканчивая непрозрачным полипропиленом. Мы «воспроизводили» дерево, «играли» с его структурой, изменяя плотность. Легче всего, пожалуй, было со стеклом, не пластиковым, а обычным. Мы учились работать с тканями: хлопчатобумажными, шелковыми, комбинированными, синтетическими. В общем, для меня все предыдущие занятия были не так интересны, как могли бы быть. Но я это понял только сейчас, когда мы приступаем к изучению оружия.

Учительница продолжает описывать устройство автомата и принцип его работы. С ее слов все предельно просто. Я действительно понимаю все, что она говорит. Единственная трудность – это термины. Но их не так много, и запомнить будет несложно. А вот на лицах ребят я вижу отражение скуки – им оружие не так интересно, как мне. Даже Клаус, всегда старающийся во всем и везде быть первым, сидит с кислым лицом.

– Думаю, вы мало что поняли из моего рассказа, – произносит Учительница, закончив описание устройства автомата, – поэтому сейчас понаблюдаем за работой автоматики, так сказать вживую.

В следующую секунду в ее руках появляется нечто, выполненное из прозрачного пластика. Не сразу понимаю, что Марина Яковлевна держит увеличенную копию ударно-спускового механизма – ясно это лишь по наличию спускового крючка.

– Ну вот, – говорит она, – смотрите внимательно. На следующем занятии будете сами мне показывать принцип работы автоматики.

Конечно, действие газового поршня и ход затвора Марина Яковлевна демонстрирует вручную. Мы видим, как происходит условный выстрел, как Учительница материализует облачко желтого дыма, имитирующего пороховые газы, как кусок пластика (это пуля) покидает огрызок ствола и как новый «патрон» появляется в патроннике. Похоже, никому, кроме меня, не интересно то, что показывает Марина Яковлевна. Говоря по правде, по окончании трехчасового занятия я уже готов показать работу автоматики в действии, но Учительница откладывает это задание на следующий день.

На последующих занятиях мы учились «воспроизводить» сначала по отдельности все составные части, а потом и автомат целиком, в собранном виде.

– Марина Яковлевна, – обратилась однажды к ней Соня, – почему нельзя сделать автомат из более легкого металла.

– Например? – спрашивает та.

– Ну, не знаю, – запинаясь девочка, – может быть, из титана. Просто автомат такой тяжелый...

Я киваю, соглашаясь с ней. Оружие и в самом деле весит немало, а при мысли о том, что Учительница однажды пообещала марш-бросок по пересеченной местности, становится неуютно. Никто толком не знает, что означает «марш-бросок», но все единодушно считают, что это тяжело. Как мы понимаем, это что-то вроде бега по лесу, холмам, оврагам с оружием и тяжелым рюкзаком. Потом мы не просто узнали, что такое марш-бросок, мы испытали его на собственной шкуре. Были и слезы, и ссадины, и синяки, и в кровь стертые плечи от рюкзаков с кирпичами, и злость, и недовольство. Но это было гораздо позже, а в тот момент Марина Яковлевна пожимает плечами и говорит:

– Попробуй. Тебе никто не мешает.

Пять пар глаз с ожиданием смотрят на Соню, которую ответ Учительницы удивляет не меньше.

– Хорошо, – роняет она и закрывает глаза, приступая к работе.

Спустя минуту в ее руках появляется автомат, но не привычного черного цвета и с деревянным прикладом, а светло-серого с прикладом из пластика.

– Вот, – облегченно выдыхает Соня и добавляет: – Он и правда гораздо легче обычного.

– Отлично, – произносит Учительница, – а теперь выстрели из него.

– Выстрелить? Здесь?! – девочка вскидывает брови.

– Да, – кивает Марина Яковлевна, – просто выстрели в окно.

– Хорошо, – все еще удивленная, Соня подходит к окну и открывает его. За стеклами как обычно – голубое небо с редкими белыми облаками. Создается ощущение, что наш класс парит высоко над землей, которую не видно из-за невероятной высоты.

Я вижу, как девочка передергивает затвор, досылая патрон в ствол, прикладывает автомат к плечу, переносит вес на опорную ногу, выставленную вперед, и плавно жмет на спусковой крючок.

В замкнутом помещении звук выстрела гремит особенно сильно. Он бьет по ушам и кажется гораздо громче, чем на открытом пространстве. Но сейчас мы думаем совсем не об этом, потому что наше внимание направлено на Соню, которая, выстрелив лишь раз, испуганно глядит на автомат. Да мы и сами видели, как при выстреле он высоко задрал ствол, и как Соня сильно вцепилась в него, чтобы тот не вылетел из рук.

– Что скажешь? – спрашивает Учительница, и сильный сквозняк врывается сквозь открытое окно. Он мечется по помещению в поисках выхода, а потом стихает, когда полностью очищает воздух в классе от порохового дыма.

– Отдача, – выдавливает Соня. – У него очень сильная отдача. Я едва удержала автомат в руках.

– Правильно, – кивает Марина Яковлевна, – и что это значит?

Клаус успевает поднять руку раньше всех, кроме меня. Я почти сразу понял, в чем дело, но Учительница спрашивает его.

– Все дело в массе оружия, – отвечает Клаус, поднимаясь из-за парты. – Чем оно тяжелее, тем меньше отдача.

– Молодец, – хвалит его Учительница. – Правильно. Я рада, что вы поняли это, и надеюсь, сделаете правильные выводы. Хотя со временем наверняка будете использовать титан при создании оружия, в частности, делать из этого металла стволы в том же автомате Калашникова. Титан гораздо более термоустойчив и прочнее, чем железо и сплавы из него, а это, в первую очередь, отражается на точности стрельбы. И, кстати, идея с пластиковым прикладом не так уж плоха, только требует доработок, потому что полностью заменять материал на пластик нежелательно. Лучше оставить приклад металлическим и обрезать его, снабдив дополнительными амортизаторами. Смотрите, как можно это сделать...

Одно время «воспроизведение» автомата на скорость стало нашим самым популярным развлечением. Но со мной никто не хотел соревноваться. Даже Клаус. Оружие оказалось моим козырем, которым я постоянно пользовался. Я был первым в классе, кто смог целиком «достать» автомат. Был первым, кто сделал это сначала за минуту, потом – за полминуты, и никто не удивился, когда я при всем классе «воспроизвел» его за четверть минуты. Даже Учительница была удивлена, но искренне радовалась моим успехам.

– Оружейник! Ты, Макс, просто Оружейник какой-то! – бросил в сердцах Семен, когда я на глазах всего класса «достал» автомат, два запасных магазина к нему и пистолет, в то время как никто не успел даже автомат «воспроизвести».

С тех пор прозвище Оружейник крепко прицепилось ко мне, но я не обращал на это внимания. Пусть.

Учительница была права. Мы изучали оружие, его виды и способы применения практически до самого окончания учебы. Естественно, основное упражнение и тренировка заключались в том, чтобы постоянно увеличивать скорость, с которой мы «доставали» оружие.

В первый раз мы посетили чужой сон в сопровождении Марины Яковлевны, когда все могли вооружиться не более, чем за двадцать секунд, а запасной магазин достать за пять. Много времени мы тратили на тренировку замены рожка. У меня не получалось сделать ее быстрее, чем «воспроизвести» новый автомат. Разница была незначительная, но она была.

Вот кто достойно оценил мой талант, связанный с оружием, так это наш Учитель по боевой подготовке. Его звали Егор Дмитриевич, и он много воевал. Наяву. Он не любил рассказывать о чем-то конкретном – разве что для наглядности иногда приводил примеры из личного опыта. Мы звали его Суrowым. За то, что он очень жестко и придирчиво относился к нашей подготовке, хотя нельзя сказать, что был злым. Наоборот, он часто шутил и травил анекдоты, но, когда дело касалось учебы, гонял нас действительно сурово. Под его руководством мы изучали тактику ведения боя в городских условиях, в условиях леса и гористой местности. Всегда нам противостоял условный противник, который по задумке Егора Дмитриевича был вооружен не хуже нас. Так называемые «бои с тенью» продолжались не меньше года, пока он не начал разбивать нас на команды, группы и даже пары, заставляя вести бои друг против друга. В качестве оружия мы использовали воздушные ружья, стреляющие шариками краски и снабженные небольшими баллонами сжатого воздуха. Учитель называл их «пейнтбольными».

– У тебя талант, – сказал он мне однажды, когда курс обучения по его предметам подходил к концу. Это было за два года до окончания учебы. – Не зарывай его. У тебя очень хорошо получается работать с оружием, а это редкость в силу сложности. Многим хватает «Калаша» или даже Беретты. А есть такие чудачки, которые строят из себя недоделанных рыцарей и пользуются только мечами, шпагами или чем-то таким. Идиоты! Никогда не иди в чужой сон, если у тебя в кобуре нет пистолета. Одними глупыми железяками много не навоюешь, а те, кто утверждает обратное, никогда не попадали в ситуацию, когда автомат, и только он, способен спасти твою шкуру. Постарайся, помимо обязательных видов оружия, изучать и другие. Делай это постоянно. Не останавливайся и развивай свой талант. И запомни самое главное – нельзя недооценивать тварей...

– А вы научите нас делать лазерные мечи? – на одном из занятий, посвященных тренировке с оружием, спросил Учительницу Семен.

Все моментально прекратили упражняться и с интересом уставились на Марину Яковлевну.

– Ты говорил об этом? – спросила она в ответ, и в ее руках появился настоящий лазерный меч, как из кинофильма.

В то время в кинотеатрах как раз показывали «Империя наносит ответный удар», и, наверное, каждый мальчишка, посмотрев эту картину, представлял себя рыцарем-Джедаем с лазерным мечом в одной руке и принцессой Леей – в другой. Я – так точно представлял. И космические битвы, и вражеские андройды, и огромные боевые крейсера, и яростные сражения, в которых всегда побеждает добро...

По классу пронесся восхищенный вздох при виде горящего зеленым огнем лазерного меча. Так же, как в кино, он гудел и потрескивал.

– Ух ты! – у Семена перехватило дыхание, и от восхищения округлились глаза.

Марина Яковлевна коротко взмахнула фантастическим мечом, словно перерубая свой стол. Затаив дыхание, мы несколько секунд ждали, когда же он наконец развалится на две части, но этого так и не случилось. Учительница усмехнулась и следующим движением провела мечом по своей руке, словно отрезая кисть. Послышался изумленный вздох, но этим все и закончилось. Ее рука была на месте совершенно не поврежденная.

– Как? – выдавил Рыжий.

Необычный меч пропал из рук Марины Яковлевны, а она снова усмехнулась, коротко пояснив:

– Иллюзия.

– А как же?... – Семен хотел сказать еще что-то, но так и умолк, удивленно глядя на нее.

– Вы уже должны знать, – наставительно сказала Учительница, – что для того, чтобы «воспроизвести» какой-либо механизм, вам должен быть известен принцип его работы, так?

Послышались нестройные «да», и Марина Яковлевна продолжила:

– Принцип действия лазерного меча неизвестен, потому что технологии человечества и наука еще не достигли того уровня развития, когда можно было бы создавать подобное оружие. Именно по этой причине нет возможности «воспроизвести» лазерный меч. Теперь понятно, «как»?

– Понятно, – грустно вздохнул Рыжий и, словно вспомнив что-то важное, спросил: – А если взять, например, атомную бомбу. Ее ведь использовали уже?

– Ты хочешь «воспроизвести» ее? – спокойно спросила Учительница.

– Нет, я просто спрашиваю, – смутился Семен.

– Теоретически возможно, – кивнула она, – но для этого, снова повторюсь, нужно досконально знать каждую мелочь, каждую деталь этого страшного оружия. И как минимум тебе необходимо получить сперва соответствующее образование в высшем учебном заведении. Ты должен понимать, что малейшая неточность или небрежность при создании этого устройства

может привести к самым печальным последствиям. И тогда от тебя в лучшем случае останется только тень на земле.

Рыжий снова вздохнул и сел за парту.

– Ну, если с этим мы разобрались, показывай, что у тебя получается с обычным автоматом...

Глава 3

Дело происходило на пятом году обучения, когда наша группа под руководством Марины Яковлевны изучала перемещения сквозь чужие сны. Сила Плетущего заключается не в том, что он может «достать», или, как любила повторять Учительница, «воспроизвести», любую вещь – будь то бутылка с лимонадом, оружие или одежда. Наша сила в том, что мы можем создавать целые фантазии, реальности, в том, что мы можем плести, менять сны, работать с их тканью.

Первые четыре года Марина Яковлевна учила нас другому, и в те редкие моменты, когда мы были свободны от занятий, нас носило по чужим снам, как щепку в бурном потоке. Под неустанным присмотром Учительницы, конечно же. Марина Яковлевна старалась максимально ограничить подобные моменты или же специально позволяла всецело ощутить свою беспомощность в мире снов, неспособность управлять своими перемещениями в них. Время, которое предназначалось нам для сна, было строго расписано. Первые два года Учительница отводила на занятия три часа, потом – четыре, ну и в конце обучения – пять, тем самым уменьшая время отдыха-сна, доведя его к концу обучения до трех часов. Конечно же, физически наши тела отдыхали и набирались сил, но сознание продолжало работать, получать и обрабатывать информацию, поэтому не всегда успевало отдохнуть. Особенно это чувствовалось в первый год, когда мы только учились управлять им. Но со временем получить полноценный отдых удавалось действительно всего за три часа. Для этого нужно было просто отключить сознание и погрузиться в сон без сновидений.

– Не поддавайтесь своему страху, – на каждом занятии повторяла Учительница. – Что бы ни происходило, помните, что вы Плетущие, хозяева сновидений, их повелители и властители. Вашей воле подвластно многое, если не все. Помните об этом всегда и не позволяйте страху овладеть вашим сердцем. Страх – самое сильное и наиболее часто испытываемое людьми чувство. Страх – единственный ваш враг.

– А вы ничего не боитесь? – на одном из уроков ляпнул Семен. Вся группа скрестила на нем сочувствующие взгляды, потому что перебивать Учительницу означало заслужить ее чрезмерное внимание и множество вопросов касательно изучаемой темы. Хотя нельзя сказать, что мы были обделены ее вниманием. Напротив, нас было так мало, что это позволяло ей заниматься с нами практически индивидуально. Но все равно, когда Марина Яковлевна начинала проявлять чрезмерное внимание... Нет, она никогда не кричала на нас и не ругала, но этот ее пристальный спокойный взгляд светло-серых ясных глаз, под которым чувствуешь себя криворуким неумехой...

– Я рада, что ты не побоялся перебить меня и задать этот вопрос. Нет человека в мире, и я не исключение, который бы ничего не боялся.

Она встречает наши недоуменные взгляды легкой усмешкой, поскольку нам трудно представить, что Марина Яковлевна может испытывать страх.

– И чего же вы боитесь? – шалея от собственной наглости, снова спрашивает Рыжий.

– Этот вопрос не следует задавать ни одному Плетущему, – поучительно говорит Учительница.

– Почему?

– Потому что, зная страхи своего коллеги, можно получить возможность использовать их против него.

– Но зачем? – искренне удивляется Соня. – Он же Плетущий, и я тоже. Мы ведь делаем одно дело и все такое...

– Ты права, – не сразу отвечает Марина Яковлевна. – Мы делаем одно дело, по крайней мере, так и должно быть. Вы уже достаточно взрослые, чтобы понимать, что иногда возникают

такие моменты, когда... – она запинаясь, пытаясь подобрать понятные для нас слова, – когда все меняется и происходит то, чего обычно не должно происходить.

– То есть Плетущие могут воевать между собой? – в лоб спрашивает ее Семен.

– Да, – следует короткий ответ. – Такое очень редко, но случается.

Она никогда не уходила от ответа и всегда отвечала на любые вопросы. Ни разу Марина Яковлевна не отмахивалась от неудобных или некорректных вопросов, как это делали учителя в обычных школах. Она всегда все объясняла, каким бы сложным ни был вопрос. Вообще с первых дней занятий Учительница относилась к нам как к взрослым, что было непривычно для нас, детей.

– Но мы не собираемся воевать с вами, – снова говорит Соня, оглядывая класс.

Марина Яковлевна оставляет ее слова без ответа и лишь глядит в голубое небо за окном со странным выражением на лице.

– Страхи бывают разными, – наконец она нарушает молчание. – Можно бояться какого-то человека, высоты, можно бояться всевозможных тварей, можно бояться за себя – что может что-то не получиться, – можно бояться за кого-то. Сейчас я боюсь за вас. Это ответ на твой вопрос, Семен.

Рыжий в ответ серьезно ей кивает, а Учительница тем временем продолжает:

– Настоящий Плетущий не может не бояться, потому что отсутствие страха – явление ненормальное и неправильное. Но Плетущий должен держать страх настолько глубоко, насколько это вообще возможно, чтобы он не мешал работе. Запомните: силен не тот, кто быстрее всех плетет, а тот, кто не дает своим страхам вырваться на волю.

Она снова умолкает, смотрит на нас и переводит взгляд с одного на другого. Это было впервые, когда Марина Яковлевна серьезно рассказала нам о страхах. Еще не раз мы возвращались к этому вопросу, но самый первый разговор отложился в памяти наиболее отчетливо. Хотя на самом деле была еще одна причина, по которой именно это занятие так хорошо запомнилось.

– А теперь, – Учительница глядит на Рыжего, – вы мне покажете, как усвоили технику создания снов, и первым это сделает Семен.

Снова слышатся короткие смешки, а Рыжий поднимается из-за парты, краснеет, отчего веснушки на его лице становятся почти незаметными. Он проходит к доске.

– Ты готов? – строго спрашивает Марина Яковлевна, но глаза ее смеются.

– Готов, – привычно отвечает он, переминаясь с ноги на ногу.

– Тогда начинай.

Семен прикрывает глаза и неслышно шевелит губами, проговаривая последовательность необходимых действий. Никто не слышит, что он шепчет, но мы все прекрасно знаем алгоритм, поэтому без труда читаем по его губам: «Небо, солнце, облака, земля, деревья, трава...» Это продолжается около десяти минут, но никто не прерывает тишину. Все понимают, что любой посторонний звук может нарушить концентрацию нашего друга, и тогда ему придется начинать все заново.

Наконец, спустя какое-то время он открывает глаза и еле слышно роняет:

– Все.

Семен скользящим движением шагает к двери, будто держит полный до краев таз и опасается расплескать воду. Он останавливается, переводит дыхание, оглядывается сначала на Учительницу, потом на нас, и по его взгляду становится ясно: сейчас что-то будет. Что это «что-то», я совершенно не представляю, но с веселым предвкушением ожидаю, когда Марина Яковлевна скажет: «Вперед!» Судя по ее недоверчивому взгляду, она тоже почувствовала какой-то подвох, но все же говорит:

– Вперед, открывай!

Уже откровенно ухмыляясь, Семен толкает дверь, а мы подаемся вперед, пытаюсь рассмотреть, что создал наш друг.

Учительница спокойно проходит к двери, выглядывает за нее, проверяя наличие угрозы или опасности. Затем она поворачивается к нам. Как бы ни был весел Семен, но он с заметным напряжением ожидает вердикта.

– Проходите, – не поворачивая к нам головы, произносит Марина Яковлевна и шагает за порог.

В тот же миг Рыжий широко улыбается. Он заметно расслабляется, потому что Учительница стабилизирует новосозданную фантазию, войдя в нее.

Первой у выхода оказывается Соня – ее парта находится к двери ближе всех. Я слышу изумленный вздох, едва девочка переступает порог. Сразу за ней следует Клаус, за ним к двери одновременно подбегают Катя и Сергей.

– Что ты там начудил? – спрашиваю Семена.

– Увидишь, – заговорщицки подмигивает он мне.

А я уже слышу разноголосые восклицания за дверью, где скрылись ребята, их радостные и удивленные возгласы. Не мешкая более, шагаю к выходу, выглядываю в дверной проем и замираю в немом изумлении.

– Ну как? – слышу я рядом его довольный голос.

– Что это? – отвечаю не в состоянии осознать, где оказался.

– Это моя фантазия, – слышится гордый ответ.

Ничего больше не говорю, потому что всецело поглощен созерцанием удивительного места. Первое ощущение, которое у меня возникает, – будто я попал в мультфильм, такие яркие, четкие и бескомпромиссные цвета царят в этом мире. Трава на поляне, куда выходит дверь из класса, как и листва деревьев поодаль, ярко зеленеет. Древесные стволы видятся в ровном коричневом цвете. Единственное, что кажется обычным, – небо и солнце на нем. Еще меня поражают цветы с бутонами самых разных оттенков – белых, желтых, красных, синих. Будто я попал в мир, нарисованный ребенком с помощью фломастеров.

– Кто уже понял, в чем дело? – спрашивает Марина Яковлевна, усаживаясь на стул.

– Нет живности, – сразу отвечает Соня.

– Правильно, – кивает Учительница, – а еще?

В самом деле, вокруг царит полная тишина. Особенно теперь, когда мы напряженно всматриваемся и вслушиваемся в окружающее пространство в поисках того, о чем спрашивает Марина Яковлевна.

– Все яркое какое-то, – негромко роняет Клаус.

– Верно, а почему? – снова спрашивает Учительница.

– Ветер есть, – говорю я, – но вокруг тихо. Не слышно, как листья шумят.

– Уже лучше, – подбадривает она.

В воздухе витают знакомые ароматы, на которые я не сразу обращаю внимание, а потом понимаю, что пахнет выпечкой. Шумно втягиваю носом воздух, пытаюсь определить направление, откуда так аппетитно пахнет, и шагаю с пяточка голой земли у двери. Я останавливаюсь, сделав несколько шагов, и в недоумении смотрю на траву – что-то хрустнуло у меня под ногами. Делаю шаг в сторону. Снова хрустит. Спешно и удивленно оборачиваюсь, не в силах понять, что может издавать такие звуки – в траве нет ничего, что могло бы так хрустеть.

– Что это? – удивляется Соня, делая ко мне шаг и провоцируя появление такого же хруста.

– Трава, – догадываюсь я и обращаюсь к Рыжему, который с нескрываемым удовольствием наблюдает за нами: – Что с ней?

В ответ он лишь невозмутимо пожимает плечами, будто предлагая мне самому выяснить, что не так с травой. Я сажусь на корточки и провожу рукой по зеленой растительности.

– Она твердая, – в некотором замешательстве говорю я и ломаю несколько узких ярко-зеленых листьев. Они с хрустом крошатся. Уже догадываясь, в чем дело, подношу к лицу эти крошки и осторожно внюхиваюсь. Соня приседает и ломает несколько зеленых листьев. Кончиком языка пробую на вкус сорванную зелень и поднимаю лицо к Семену.

– Что это? – спрашиваю его, чувствуя во рту сладость.

– Глазурь, – он еле сдерживается, чтобы не засмеяться.

– Что? – почти одновременно вопрошают остальные ребята, внимательно следящие за мной. Спустя секунду они уже сами ломают траву и пробуют ее на вкус. Ясно теперь, почему под ногами так хрустело.

– И что, здесь все из глазури? – спрашивает Соня.

– Нет, – ухмыляется Рыжий.

– А из чего еще?

– Сами пробуйте, – коротко смеется он, шагает по траве, наклоняется, срывает какой-то синий цветок и начинает его жевать. Под нашими удивленными взглядами он веселится еще больше и с насмешкой следит, как мы повторяем его действия, срывая ближайшие цветы. Смотрю, как Соня нюхает желтый цветок, довольно улыбается и откусывает от него кусочек.

– Лимонная тянучка, – говорит она.

– У меня – вишневая! – восклицает Катя.

– А у меня – клубничная, – моргает Клаус.

Сергей не говорит ничего, а лишь увлеченно жует синие лепестки.

– А ты чего? Попробуй! – обращается ко мне Семен.

– Угу, – роняю я и иду к ближайшим деревьям.

За мной увязывается Соня. Она продолжает жевать и прихватывает с собой несколько цветов. Вижу, как Учительница с серьезным видом вдруг наклоняется вбок на стуле и срывает оранжевый цветок. Наверное, у него вкус апельсина или мандарина.

Вблизи деревья кажутся еще более странными из-за отсутствия оттенков. Их кора выглядит самой обычной с многочисленными складками, а в стволе ближайшего дерева, как раз на уровне глаз, виднеется небольшое темное дупло. Знакомый запах щекочет ноздри, и я, не поворачивая головы, произношу:

– Шоколад.

В ту же секунду Соня, забыв о цветах в руках, бросается к дереву и пытается отломать кусочек от ствола.

– Ой! – она поворачивается и показывает испачканные ладони.

Я поднимаюсь на цыпочки и отламываю кончик ветки с несколькими листьями. И правда – шоколад, но не черный, а молочный. А листья...

– Листья из чего? – поворачиваюсь к Семену.

– Бизе, – говорит он с набитым ртом, отчего получается что-то вроде «Бивэ!»

– Бизе? – не перестает удивляться Соня, отламывая листок.

– Ага, – кивает он. – Оно легкое, поэтому нагрузка на ствол и ветки небольшая.

– Да? – тянет девочка сладость и даже не жует ее.

– Не стойте под ветвями! – громко предупреждает Учительница.

– Почему? – спрашивает Рыжий.

Марина Яковлевна показывает рукой вверх.

– Солнце, – коротко звучит ее пояснение.

Семен сразу сникает и бормочет едва слышно:

– Нужно было про температуру не забыть.

Действительно, если еще минуту назад кора имела матовый оттенок, то сейчас там, где на нее попадают солнечные лучи, она блестит.

– Ух ты! – восклицает Катя и наклоняется к земле. Через секунду она распрямляется, сжимая что-то в пальцах.

– Жук? – удивляется Клаус, заглядывая ей через плечо.

– Нет, – она подносит «что-то» к самым глазам, а через секунду закидывает в рот. – Мармеладка!

Еще какое-то время мы носимся по поляне, ломаем хрупкую траву и срываем яркие цветы. Кто-то находит мармеладных насекомых, а Сергей, скрывшись за деревьями, появляется через несколько минут и несет что-то на вытянутых руках. Когда он подходит ближе, мы ясно видим, что это обычный торт. Девочки с веселыми криками подбегают к нему и пальцами снимают слой крема.

– Вкуснятина!

– Класс!

– Там еще грибы есть, – говорит Сергей, пытаясь спасти торт от чужих посягательств.

– Какие грибы? – переспрашивает Клаус.

– Обычные, – следует односложный ответ.

Веселые игры продолжаются, и совсем скоро мы обнаруживаем, что кусты на другом краю поляны сделаны из сладкой ваты, щедро обсыпанной легкими сахарными чипсами.

Скоро появляется Клаус. Он несет целую охапку грибов, которые выглядят именно так, как их изображают в мультфильмах: с толстыми белыми ножками и темно-коричневыми круглыми шляпками. Все, кроме Семена, тут же окружают его, и каждый забирает себе по грибу. Они оказываются из мягкого вкусного и аппетитно пахнущего бисквита с прослойкой малинового варенья внутри шляпок.

Рыжий все то время, что мы веселимся, неподвижно стоит на открытом пространстве в стороне от нас. По его напряженному лицу и прикрытым глазам мне становится ясно, что Семен плетет. Марина Яковлевна продолжает сидеть на стуле, с улыбкой наблюдая за нами и поглядывая изредка на Рыжего.

Порыв ветра срывает с деревьев листья. Мы прекращаем веселиться, когда на поляну врывается холодный ветер. Он мечется из стороны в сторону, будто ищет выход.

Облачко пара вырывается у меня изо рта, и я недоуменно оглядываюсь на остальных.

– Холодно, – передергивает плечами Катя.

– Рыжий, ты что делаешь? – громко обращается Соня к Семену.

Он ничего не отвечает и продолжает работать, а я вижу, как Учительница встает со стула и накидывает на плечи моментально появившееся в ее руках пальто. Потом садится, скидывает легкие туфли и одевает вместо них валенки. Не раздумывая, следуя ее примеру, потому что от крепнущего холода уже мерзнет нос. Только вместо пальто я надеваю пуховик на синтепоне, а ноги переобуваю в теплые зимние ботинки. Спустя минуту уже все мы переодеваемся в теплую одежду.

Воздух красиво серебрится, и словно из ниоткуда начинает падать снег.

– Снег, – запоздало отмечает Катя, подставляя ладони под снежинки.

– А почему он такой... – Соня запинается, – необычный?

Действительно, с неба, где солнце закрыто тучами, идет странный снег.

– Он разноцветный! – широко улыбается Катя.

Снег падает так часто, что не сразу удастся разглядеть тучи. Да, они тоже разноцветные: бледно-розовые, салатные, голубые... Очень быстро снегопад скрывает все вокруг, и даже ближайшие деревья превращаются в смутные силуэты. Солнца не видно, но от этого лишь ненамного становится темнее.

Первый снежок летит в меня. Соня победно вскрикивает, когда он попадает мне в грудь. Через несколько секунд поляну заполняют радостные возгласы и веселые крики. Семен перестает плести и присоединяется к развлечению.

– Ой, извини! – Клаус бежит к Соне, которой секунду назад угодил снежком в лицо. – Я не хотел!

Вижу, как девочка обиженно хмурится, оттирая разноцветный снег, но через миг ее лицо светлеет, и она недоверчиво произносит:

– Мороженое?.. Ребята! Это мороженое!

На несколько секунд над поляной повисает недоуменная тишина, когда все, кроме Рыжего, пробуют на вкус падающий снег. А Семен с улыбкой смотрит на нас. Ему и в самом деле удалось устроить снег из мороженого – клубничного, вишневого, смородинового, фисташкового и даже шоколадного, – когда из низкой светло-коричневой тучки посыпали такого же цвета снежные хлопья.

Марина Яковлевна позволила в этот день больше не заниматься. Я помню, как она с теплой улыбкой следила за нами и даже ела мороженое из снега, собранного в небольшую розетку. Рыжий получил «отлично» за это задание, но все же был вынужден повторить его в обычном виде, создав фантазию «несъедобную», как сказала тогда Учительница. Семен не стал придумывать ничего нового. Он сдал Марине Яковлевне сон о лесном уголке с поляной, деревьями, обязательными животными и насекомыми, точную копию которого мы еще долго со смехом и шутками вспоминали.

Глава 4

В классе, к нашему огромному удивлению, до сих пор не появилась Марина Яковлевна. Вообще-то мы уже привыкли, что она может задержаться, но не так же долго! Часов в классе нет. Их не бывает и во снах, где мы плетем. Однако наше обостренное и тренированное чувство времени подсказывает, что Учительница опаздывает на урок как минимум на полчаса. Разговоры и короткие фразы учеников становятся громче, и в тот момент, когда двери открываются, в помещении стоит настоящий гомон. Шум моментально стихает, едва в дверном проеме появляется Марина Яковлевна.

– Здравствуйтесь, дети, – говорит она и сразу обращается к Рыжему, – Семен, будь так добр, помоги.

Мальчик вскакивает из-за парты и через секунду оказывается рядом с ней.

– Открой, пожалуйста, вторую створку, – просит Марина Яковлевна.

Семен удивленно таращится за дверь, но делает то, о чем просит Учительница. Он щелкает замками второй дверной створки сверху и снизу и распахивает ее наружу.

– Спасибо. А теперь закатай это в класс.

– Хорошо, – Рыжий даже не смотрит на нее. Он скрывается за дверью, и спустя несколько секунд мы видим, как нечто «вплывает» в дверной проем. Проносится удивленный шепот, на который Марина Яковлевна не обращает внимания.

Пыхтя и отдуваясь, появляется и Семен, толкающий что-то большое, похожее на шкаф или просто вытянутый ящик. Но, что именно это такое, мы не видим – оно скрыто от наших взоров светло-зеленой накидкой. Колесики, на которых катится ЭТО, жалобно скрипят, а Марина Яковлевна говорит:

– Достаточно, Семен. Спасибо. Можешь сесть на место.

Он что-то бурчит в ответ, отдуваясь, и проходит к своей парте. Учительница сперва закрывает створку, и замки на ней щелкают сами по себе, потом – саму дверь, и только после этого поворачивается к нам. А Рыжий удивленно пялится на то, как Учительница, не касаясь, щелкнула замками на створке. Соня за соседней партой коротко смеется и отпускает какую-то шутку.

– Ну не будет же она сама заталкивать эту телегу в класс, – бурчит в ответ Рыжий.

– Сегодня, – произносит Марина Яковлевна, становясь рядом с непонятным высоким предметом, скрытым от наших взглядов накидкой, – мы начинаем новую тему.

Тишина. Ни звука не раздается в ответ. С тех пор как мы начали изучать оружие, прошло два года, и мы до сих пор продолжаем тренировки, связанные как с его «воспроизведением», так и со стрельбой. Ко мне уже прочно прицепилось прозвище Оружейник, но я не придаю этому особого значения. Во всяком случае Оружейник лучше, чем Толстый или Кучерявый. Параллельно с оружием в прошлом году мы начали изучать психологию, которая никому особо не нравится. Но Учительница говорит, что настоящий Плетущий должен досконально разбираться во всех тонкостях человеческой природы, уметь быстро распознавать страхи и скрытые фобии, от которых люди сами же и страдают. Естественно, мы жаждем стать настоящими Плетущими, поэтому с ответственностью и старанием изучаем тему. Хотя, нужно сказать, ответственность и желание имеют мало общего, поэтому Марине Яковлевне временами приходится заставлять нас учиться. На фоне этого предмета упражнения с оружием, по крайней мере для меня, – настоящая отдушина.

Учительница выдерживает паузу, приковывая к себе и без того жадное внимание, и произносит:

– Новая тема носит название «Твари», – и с этими словами резким движением сдергивает накидку с громоздкого и габаритного предмета.

Признаться, после этих слов я ожидаю увидеть какого-нибудь монстра или страшилище. Но каково же мое изумление, когда я вижу самого обычного человека, заключенного в железную клетку. Это взрослый мужчина, который по возрасту годится нам в отцы. Он одет в строгий костюм, сиреневую рубашку, похожую на женскую, и несурзанный, на мой взгляд, белый галстук. В руке он держит пухлый и даже на вид тяжелый коричневый портфель.

Едва спадает накидка, как он, гневно сверкая глазами, выкрикивает в нашу сторону:

– Вы что делаете?! Да вы хоть знаете, с кем связались? Я вам такое устрою! Вы ответите за произвол! Я буду жаловаться! Я...

– Молчать, – спокойно произносит Марина Яковлевна, даже не глядя в его сторону, а мы впервые слышим незнакомые нотки в ее голосе – злые и повелевающие.

Сначала я думаю, что незнакомец ее не услышит, так громко он вопит и так негромко произносит единственное слово Учительница. Но я ошибаюсь. Мужчина осекается на полуслове и буквально затыкается, так и не закончив предложение. Он с явным испугом следит за Мариной Яковлевной, в то время как она так и не удостоивает его взглядом. Перемена в поведении настолько разительна, что удивление от этого перевешивает изумление и шок, которые мы испытываем, когда видим заключенного в плен железной клетки, как какого-то зверя, человека.

– Без разрешения говорить запрещается.

Признаться, от тона, которым сказаны эти слова, у меня по спине пробегает нехороший холодок, а Соня передергивает плечами. Учительница наконец поворачивает голову к пленнику, и их глаза встречаются.

Человек в клетке после брошенной ему приказной фразы испуганно пятится, пока не упирается в железные прутья спиной. Он смотрит на Марину Яковлевну, не отрываясь, и мне кажется, что вот-вот заплачет от страха. Учительница отпускает его взглядом, отведя глаза в сторону, и в тот же миг пленник без сил опускается на пол. Кожа на его лице покрыта бисеринками пота, а враз побледневшие губы заметно дрожат.

Не уверен, что меня сейчас удивляет больше: заточение человека в клетке, поведение Марины Яковлевны или реакция незнакомца на ее слова. По лицам друзей вижу, что и они чрезмерно удивлены и поражены происходящим.

А Марина Яковлевна тем временем обводит взглядом класс – самым обычным, привычным и ни капельки не пугающим. Таким, каким она всегда смотрит на нас.

– Дети, – говорит она ровным голосом, – пусть ваше зрение не обманывает вас. В клетке заключен вовсе не человек. Нашим пленником является тварь. Вы сами с легкостью можете в этом убедиться, если проверите, «созерцая».

Этот способ зрения, названный так своеобразно, мы начинали изучать почти одновременно с темой оружия. В течение одного занятия Учительница заставляла нас «созерцать» как минимум два раза.

– Чем больше будет практики, тем быстрее вы сможете настроиться и тем дольше сможете использовать подобное зрение, – неустанно повторяла она, и нам ничего не оставалось, кроме как выполнять ее требования.

Без лишних вопросов мы приступаем к процедуре, итогом которой и должно стать особое зрение. Никто в классе не блещет умением быстро настроиться на него. Даже Клаус, и тот едва ли проводит подготовку быстрее остальных. Все, что нужно для «созерцания», – это спокойная сосредоточенность. Когда впервые мы услышали эту формулировку, решили, что никаких сложностей с этим не возникнет. Как же мы ошибались! На самом деле, оказалось чрезвычайно трудно заставить свои мысли течь спокойно лишь в одну, нужную сторону. Они постоянно разбегались будто мыши, за которыми гонится голодный кот. Любая, даже самая незначительная мелочь, будь то солнечный зайчик на стене, невесомая видимая в воздухе пыль, пятно от плохо вытертого мела на доске, негромкое дыхание друзей, даже стук собственного сердца

– все это и тысяча других мелочей, на которые, казалось бы, раньше не обращал внимания, мешали настроиться нужным образом. Но время шло, и через какое-то время упорных упражнений мы практически одновременно смогли достичь определенных результатов. Марина Яковлевна никогда нас не торопила, и первых успехов мы достигли после того, как почти десять минут готовились и сосредотачивались. Я до сих пор помню, как удивился, когда вместо друзей и Учительницы в классе увидел вдруг сияющие и почти неразличимые от ярко-белого света человеческие силуэты. А вокруг не было никакого класса, только серая, как туман, пустая мгла. Конечно же, сейчас, спустя два года, нам уже не нужно десять минут, чтобы настроиться нужным образом, – хватает и минуты. Но Учительница не перестает нас «гонять» и заставляет работать все быстрее и быстрее, чтобы, как она говорила, нам хватало нескольких секунд для того, чтобы начать «созерцать». Я думаю, если мы способны достигнуть нужного эффекта за минуту, то почему бы не справиться за несколько секунд? «А в экстремальных ситуациях, – любила повторять Марина Яковлевна, – время, необходимое для подготовки к «созерцанию», нужно умножать на два». Никто не подвергал ее слова сомнению, хотя для нас все же «экстремальные ситуации» были частью какой-то еще далекой взрослой жизни.

А сейчас я несколько раз глубоко вдыхаю и выдыхаю, в первую очередь, настраивая дыхание. Я отпускаю свои мысли, и они неугомонными ласточками разлетаются вокруг. Мысли множатся нескончаемым числом. Они обо всем и ни о чем. Их так много, что, кажется, вместо меня думает не меньше сотни людей. Никакой связи нет между ними. Они совершенно разные. Бесчисленные ассоциации мелькают перед мысленным взором, будто суматошные картинки в каком-то безумном калейдоскопе. Хватит. Достаточно! Я прикрываю глаза, и беспокойные мысли, будто устав друг от друга, замирают и спустя мгновение сплетаются в единый жгут. В единую мысль. Я спокоен. Я собран и сосредоточен. Когда я открываю глаза, сначала мне кажется, что взгляд мой расфокусирован, а предметы вокруг и вся обстановка в целом начинают странно плыть и менять очертания. Все происходит быстро, и уже через несколько секунд вокруг остается лишь серое ничто. Мои друзья видятся привычными яркими светящимися силуэтами, свет которых, кстати, совсем не режет глаза. Максимум, на что я сейчас способен, – это пять секунд «созерцания». Марина Яковлевна заметно выделяется на фоне ребят, в первую очередь, яркостью, интенсивностью света, исходящего от ее фигуры, а вот рядом с ней... Рядом с ней, совсем близко, клубится черное облако непроглядного мрака. Оно небольших размеров, по крайней мере, меньше той высокой ослепительной фигуры, рядом с которой находится. При виде его у меня возникает только одна мысль: «Уничтожить!» Глаза начинают болеть, а я, словно замороженный, гляжу на эту первородную тьму. Когда резь становится нестерпимой, я смаргиваю, и ко мне возвращается обычное зрение.

– Максим! – зовет меня Учительница. – Хватит!

Я уже и сам понял, что хватит. Сколько же я «созерцал»? Слезы все текут и текут из глаз, затуманивая взор.

– Нельзя «созерцать» так долго! – слышу наставительный голос. – Ты вдвое превысил лимит. В будущем постарайся лучше себя контролировать, чтобы подобного не повторялось, иначе в самый ответственный момент ты рискуешь временно ослепнуть.

– Ого! – доносится до меня приглушенное восклицание Сони. – Это рекорд! Еще никто не «созерцал» целых десять секунд!

Пожалуй, я бы даже возгордился ее похвалой, если бы глаза не болели так сильно.

– Через минуту зрение восстановится, – слышу я успокаивающий голос Марины Яковлевны, – но впредь следи за временем и увеличивай свой лимит постепенно.

Я лишь киваю в ответ, не переставая вытирать бегущие из глаз слезы.

– Итак, – говорит она, – вы все «созерцали». Что можете сказать об этом создании?

Тишина стоит недолго. Учительница обращается к Рыжему:

– Да, Семен?

- Я видел какое-то черное облако на том месте, где он находится.
- Хорошо, молодец, – поощрительно отзывается она. – Все видели это облако?

Нестройным хором мы согласно отвечаем на вопрос, а Марина Яковлевна продолжает:

– Именно таким, как выразился Семен, облаком черного цвета видны твари, если их «созерцать». Исключений не бывает. Создания могут принимать любую форму в пределах своего первоначального объема и любой внешний вид. Они могут предстать как в облике близких и родных людей, так и в облике незнакомых. Попадая в чужой сон, первое, что вы должны сделать, – проверить окружающую обстановку, «созерцая». Если в силу различных обстоятельств вы не сделали этого сразу, используйте первую же возможность, но проверьте и оцените обстановку вокруг. И при встрече во сне с кем-либо обязательно проверяйте его таким образом.

Зрение понемногу возвращается, и размытая картинка становится четче, а предметы вокруг уже не кажутся мутными и смазанными. Марина Яковлевна не ошиблась: через минуту зрение ко мне полностью вернулось, и лишь на периферии угла обзора окружающее кажется нечетким и каким-то блеклым. Учительница все так же стоит перед нами, а в железной клетке, обняв руками колени, сидит тот, которого мы сперва приняли за человека.

– Да, Катерина? – она кивает девочке, тянущей руку.

– Скажите, твари опасны? И если да, то почему?

– Безусловно, они опасны, – строго отвечает Марина Яковлевна. – Твари – единственные наши враги, но нельзя сказать, что между нами война. Отнюдь. Они нас очень боятся и всячески избегают встречи. Исключение составляют те ситуации, когда твари объединяются в группы или крупные отряды, и тогда при встрече с Плетущим они действуют крайне агрессивно. Но, должна сказать, подобные нападения происходят крайне редко ввиду отсутствия у монстров какой-либо организации.

– А что нужно делать в такой ситуации? – с места спрашивает Рыжий, но Учительница делает вид, что не обращает внимания на это мелкое нарушение дисциплины.

– В такой ситуации, – отвечает она, – нужно действовать по обстоятельствам. На этот счет нет четких инструкций, в первую очередь, из-за того, что твари бывают самыми разными. И если вы попадаете в сон, где они находятся, предугадать их наличие невозможно. Повторюсь, они могут быть самых разных форм и обликов. Твари предстают в виде обычных людей, каких-нибудь зверей – как реально существующих, так и фантастических. Вы знаете, что Плетущий не должен поддаваться страху, но он также должен видеть и понимать разницу между смелостью и глупым желанием покончить с собой, победив так называемый страх при столкновении со слишком большим количеством тварей. Если случается так, что вы осознаете свою неспособность разобраться в сложившейся ситуации, вы должны отступить и вернуться с подкреплением, чтобы нейтрализовать угрозу или, попросту говоря, уничтожить всех тварей. Но это не значит, что вы должны поступать так каждый раз, наткнувшись на отряд монстров. Не забывайте, что в силах Плетущих менять реальности. Поэтому вы можете и вы обязаны работать с тканью сна.

– А сколько их может собраться вместе? – спрашивает с места Семен.

– Теоретически, – отвечает Учительница, – любое количество. Максимум, с которым сталкивалась я, составлял несколько десятков тысяч.

– И что вы сделали?

Затаив дыхание, мы ждем ответа. Марина Яковлевна выдерживает короткую паузу и с едва заметной усмешкой отвечает:

– Я их уничтожила.

– Вы сами это сделали? – вопрос Рыжего тонет в приглушенных восклицаниях.

– Сама, – кивает она.

– Но как?!

– Довольно просто, на самом деле. Дело было на открытой местности – можно сказать, мне повезло. Произойди столкновение в городских условиях, не уверена, что справилась бы. Часть тварей я уничтожила воздушным молотом, многократно его применив. Часть – просто скинула в разверзнувшуюся перед ними пропасть, которую я сама создала, а оставшихся – сожгла.

– Вот это да! – откровенно восхищается Семен, и ему вторит весь класс.

– Но подобное происходит очень редко, – спокойно продолжает Марина Яковлевна, – хотя известны случаи, когда тварей было гораздо больше.

– Насколько? – заинтересовано сверкает глазами Рыжий.

– Намного, – односложно отвечает Учительница, – но это не имеет отношения к сегодняшнему уроку.

Возбужденный шепот и приглушенные голоса моментально умолкают, и Марина Яковлевна продолжает в полной тишине.

– Твари, – говорит она, – это искусственные создания, а их создателями являются сами люди. Твари – это их воплощенные страхи, как скрытые, так и явные. Твари не знают жалости, они заботятся только о своем существовании. Они осторожны и трусливы поодиночке, наглы и смелы в стае. Их несложно уничтожить. Но убить того, кто кажется вам обычным человеком, даже если вы предварительно убедились, что под его обликом скрывается тварь, непросто. Они хитры и изворотливы, но в то же время глупы и не способны к рациональному мышлению. Подавляющее их большинство вообще не способно к мышлению, потому что являются простейшими паразитами, *simplex parasitus* на латыни, которую мы, к вашему счастью, учить не будем. Итак, что представляет собой самая простая и наиболее часто встречающаяся в мире снов тварь? Как я уже сказала, люди сами создают их. Естественно, это происходит неосознанно. Если страх человека достаточно велик, он обязательно воплотится во сне в такую тварь, – Учительница кивает на пленника в клетке и продолжает: – Уничтожить ее не составляет никакой проблемы. Но! Если вы убьете одну тварь, на ее месте обязательно появится другая, и так будет происходить до тех пор, пока человек, воплощением чьих страхов является тварь, не избавится от них. Нередко бывает, что эмоции и чувства настолько сильны, что твари рождаются одна за другой, и так происходит долго, но не бесконечно. Почему? Потому что они должны поддерживать свое существование и делать это опять же за счет своего невольного создателя. Сперва твари питаются одним лишь страхом, их породившим. Но после, набравшись силы, сами становятся способны окуна́ть сознание человека в созданные ими кошмары, от чего страха становится больше. Запомните, страх – наиболее часто испытываемое людьми чувство, самое яркое и сильное. Все без исключения чего-то боятся. Страх не испытывают только полные идиоты – я говорю о душевнобольных, чья психика повреждена. Твари питаются не просто эмоциями, они вытягивают из человека саму жизнь, но делают это настолько аккуратно и осторожно, что едва ли это сказывается на его здоровье. Хотя наяву он становится раздражительным и страдает от хронической усталости. Такой человек неохотно общается, а если и делает это, то грубо и неохотно. Но так происходит, если тварь-паразит уже не одна. Повторюсь, уничтожить их несложно – пули, да и любое другое оружие, охотно их берут, но задача Плетущего – помочь человеку избавиться от тех страхов, что рождают тварей. Безусловно, сделать это нелегко: для этого нужно досконально знать человеческую психологию и уметь пользоваться ее приемами.

Учительница делает несколько глотков воды и продолжает:

– Вкратце я рассказала о самых примитивных созданиях. Теперь так же кратко объясню и о других тварях. Позже мы будем подробно изучать их классификацию, а сейчас – только самое главное. Итак. Паразиты, питающиеся эмоциями, вытягивают из человека и его жизненную энергию. Это практически не сказывается на здоровье их донора, так как за время бодрствования он успевает восстановить ее. Но бывает и по-другому. Случается, что человек уми-

рает, потеряв слишком много сил. Это происходит далеко не сразу, и зачастую процесс тянется не один год, но все же время от времени такое происходит. Тварь, оставшаяся без источника сил, чаще всего погибает вслед за своим создателем. Однако так происходит не со всеми из них. Очень немногие оказываются способны к короткому самостоятельному существованию, и тогда они, повинуясь инстинктам, отправляются на поиски нового донора. Такие твари уже не просто паразиты. Впитав в себя достаточно чужой жизненной энергии, они становятся обладателями некоего подобия разума. Эти твари отличаются от других даже внешне. Они более крупные, ловкие, сильные и называются *similis prudens*, подобные разумным – на латыни. Эти экземпляры находят другой источник сил, удовлетворяющий их потребности, и выкачивают его уже без стеснений. У людей, которые стали их донорами, резко ухудшается самочувствие. Однако летальных исходов среди них не так много, как можно было бы ожидать. Почувствовав, что человек на грани и не способен удовлетворять ее потребности, тварь покидает его и отправляется на поиски следующей жертвы. И с каждой из них монстр становится все разумнее. Известны случаи, когда отдельные твари были способны даже плести, то есть работать с тканью сна. Но подобные инциденты случаются настолько редко, что не стоит их сейчас даже рассматривать. Тем более таких тварей несложно обнаружить. Ну а что с ними бывает, когда Плетущие их находят объяснять, думаю, не нужно.

Марина Яковлевна делает паузу и снова прикладывается к стакану с водой. В классе стоит такая тишина, что я слышу, как через парту справа дышит Семен. Существо в клетке за все время монолога Учительницы так и не сдвинулось с места. Я испытываю какую-то жалость к нему. Наверное, это из-за того, что у твари человеческий облик. Или нет?

Звон стакана, который поставила Марина Яковлевна, слишком громкий – будто она специально так стукнула. Я невольно вздрагиваю от неожиданности и ловлю на себе странный взгляд Учительницы.

– О развитии тварей и их природе на сегодня все, – неожиданно произносит она, от чего я немало удивлен: времени ведь еще достаточно, или мы снова будем учить психологию?

– Но, прежде чем закончить, – снова говорит Учительница, не отрывая от меня взгляда, – я расскажу еще кое-что о тварях и их особенностях...

Ее голос доносится до меня будто через вату. Он звучит глухо и невнятно, и я вдруг понимаю, что хочу сейчас сделать.

Я не вижу удивленных взглядов одноклассников, направленных на меня. Я не слышу, как они что-то спрашивают, и не чувствую, как Соня осторожно тянет меня за руку, привлекая внимание. Я смотрю сейчас только на бедного человека, которым притворяется заточенная в клетке тварь. Я чувствую ее страдания и одиночество. Мне больно от того, что ей так плохо. Пусть она не человек, пусть паразит, но она живое существо и имеет право на жизнь так же, как и мы. Кто виноват, что ее суть и природа заставляет питаться чужими эмоциями и энергией? Она так точно, не виновата. Тварь же не убивает никого – она только поддерживает свои силы, чтобы не умереть. Кто из нас не сделал бы того же? Кто захочет умирать, если можно без особого ущерба для других жить? Никто.

Словно во сне, крохотными шажками я иду к клетке, в которой находится создание с жалобными глазами. Я освобожу его. Нельзя держать живое существо в плену железных прутьев. Пусть оно живет свободно.

С отстраненным удивлением отмечаю, что не могу приблизиться к решетке еще хотя бы на шаг. Но ноги-то мои идут! Ничего, я все равно дойду. Не сейчас, так чуть позже. Какая, в сущности, разница? А если путь займет слишком много времени, я поделюсь с существом своей энергией, чтобы оно не умерло от голода...

Да что же это, в самом деле?! Почему я не могу приблизиться к этим железным прутьям, до которых уже можно дотянуться рукой?! А почему бы и нет? Если я не могу дойти, значит, попробую дотянуться, а там глядишь...

Резкая боль острой иглой вонзается в ключицу, и я невольно вскрикиваю. Мир вокруг, словно растекшийся, моментально обретает четкость, становится невероятно резким и собранным. С удивлением отмечаю, что вместо того, чтобы сидеть за партой, я стою в шаге от железной клетки, в которой находится тварь, неотрывно следящая за мной. Боль у основания шеи длится всего лишь миг и исчезает так же внезапно, как появилась.

– Максим, – такой знакомый голос рядом.

Я оборачиваюсь и вижу Марину Яковлевну. Она держит руку на моем плече и тепло говорит:

– Сядь, пожалуйста, за парту.

И тут до меня доходит, что недавняя боль – ее рук дело. Я не знаю, что сказать. Я вообще не понимаю, почему вместо того, чтобы сидеть на своем месте, стою сейчас посреди класса.

– Что происходит? – внезапно хриплым голосом спрашиваю я и пытаюсь откашляться. Учительница протягивает мне стакан с водой.

– Выпей.

– Спасибо, – с благодарностью принимаю его и начинаю жадно пить, заливая неожиданно сухое горло. Краем глаза ловлю на себе ошарашенные взгляды ребят, но от стакана не отлипаю, пока не выпиваю его полностью.

– Спасибо, – говорю еще раз, протягивая его Марине Яковлевне.

– На здоровье, – отвечает она. – А теперь садись за парту.

Делаю шаг и вдруг замираю, как громом пораженный. Какой-то отголосок недавних чувств и желаний заставляет меня вспомнить все, что произошло за прошедшую минуту. А самое главное, я снова ощущаю желание освободить тварь. Снова? Что за нелепость?

Медленно поднимаю глаза на Учительницу и все еще осипшим голосом спрашиваю:

– Что случилось, Марина Яковлевна?

Она ловит мой взгляд, но отвечать не спешит.

– А ты сам как думаешь? – произносит она.

Как я думаю? Мысли, словно с цепи, срываются, носятся в голове, но на ум ничего не приходит. Делаю несколько глубоких вдохов и пытаюсь мысленно воспроизвести все, что произошло. Я сидел за партой, потом вдруг мной овладело абсурдное, но неодолимое желание освободить тварь. Я встал со своего места и почти дошел до нее, если судить по тому, где сейчас стою. А потом, видимо, меня привела в чувство Марина Яковлевна. Но почему я вообще решился на такое? Перевожу взгляд на клетку, из которой на меня исподлобья смотрит мужчина в строгом костюме и с глупым галстуком. Он все так же сидит на полу, обняв руками колени. Наши взгляды встречаются, но в этот момент меня зовет Учительница. Я сразу отвожу глаза, уже зная, в чем дело.

– Догадываюсь, что произошло, – стараюсь говорить спокойно.

– Расскажи нам, пожалуйста.

Я все же отступаю на шаг от решетки, прежде чем повернуться к ней спиной.

– Мне кажется, – начинаю я, едва сдерживая эмоции, – тварь смогла загипнотизировать меня и заставить вызволить ее из плена.

Шок и удивление в глазах моих одноклассников сменяются на недоумение и откровенное недоверие, но я этого не замечаю, потому что целиком и полностью поглощен обуреваемыми меня чувствами. Семен что-то спрашивает, и ему вторит Соня, даже Клаус обращается ко мне, но я ничего не слышу из-за частого и гулкого стука в висках и в груди – так бьется мое сердце. Мне кажется, оно стучит все чаще и чаще. И что-то происходит с глазами или зрением, потому что все вокруг застилает алая пелена, а дыхание перехватывает невероятно сильная ярость. Такая сильная, какой я ранее никогда не испытывал. От лютой злости, что сжирает меня изнутри, кажется, начинает кипеть в венах кровь. Не в силах сдерживаться, я разворачиваюсь к клетке и вскидываю руку. Впервые за все время учебы я плету так быстро, и

спустя несколько секунд ладонь ощущает приятную прохладную тяжесть. Одним движением передергиваю затвор, досылая 9-миллиметровый патрон в ствол и, испытывая невероятное облегчение, жму на спусковой крючок. О да! Это МОИ эмоции и МОИ чувства. Они никем не навязаны и исходят только от МЕНЯ. Я в этом уверен так же, как и в своем имени. Тварь посмела залезть мне в голову, ну так пусть сдохнет за то, что такая тупая!

В замкнутом помещении выстрел звучит звонко и громко. За спиной вскрикивает Соня. Или Катя? Неважно. Привычная и уже не заметная за многочисленными тренировками отдача подкидывает ствол пистолета вверх. С трудом, но мне удается сдержаться и ограничиться лишь одним выстрелом. Я смотрю на тварь в клетке, которая совсем не мужским голосом верещит от боли, зажимая окровавленными руками рану на ноге. Гул в висках и бешеный стук сердца становятся тише. Или я не могу их расслышать из-за визга раненой твари? Не опуская пистолета, глубоко вдыхаю несколько раз. Пороховой дым приятно щекочет ноздри. Жду только одного – чтобы тварь снова на меня посмотрела. Словно в ответ на мои мысли, существо в клетке поднимает глаза, но ничего, кроме боли, на этот раз в них нет. А жаль. Я бы с огромным удовольствием прострелил ему для полноты ощущений и коленную чашечку. Тварь спешно опускает взгляд, и тут вдруг до меня доходит, что она наверняка умеет читать чужие мысли. Опускаю руку с зажатым в ней пистолетом и ставлю его на предохранитель.

– А я думала, ты заставишь меня искать для вас новый экземпляр, – сухо произносит Марина Яковлевна.

– Простите, – отвечаю я, ни капли не чувствуя себя виноватым.

– За что? – задает она неожиданный вопрос.

– Эмм... – не знаю, что ответить. – За то, что стрелял?

– Неправильно. Подумай еще раз.

– Может быть, за то, что не сдержался?

– Почти правильно, – роняет Учительница. – За то, что ты не сдержался и позволил своим оскорбленным чувствам взять верх над разумом.

После этих слов я вдруг чувствую себя, нет, не виноватым, а совсем не тем, кем я хотел бы стать: умным, сдержанным, сильным и хладнокровным Плетущим.

– Простите, – повторяю я уже искренне. – Больше этого не повторится.

– Этого не повторится, – эхом повторяет Марина Яковлевна и позволяет себе скупую улыбку. – Ты ведь мог убить тварь, но сдержался, значит, контролировал себя.

Невероятная буря эмоций утихает и окончательно сходит на нет. Я чувствую себя странно под скрещенными взглядами, в которых есть удивление, непонимание и даже страх. Марина Яковлевна смотрит на меня каким-то новым, я бы сказал, изучающим, но вполне спокойным взором. Признаться, мне становится неловко, и, не оглядываясь больше на тварь в клетке, занимаю место за партой.

– Ну что же, – нарушает молчание Учительница, – вы все стали свидетелями того, как обычная тварь-паразит способна подчинить себе чужое сознание. Чем сильнее и старше тварь, тем легче ей читать чужие мысли и делать так, чтобы ее желания становились желаниями того, на кого направлено ее внимание. И чем эмоциональнее человек, тем желаннее он как добыча, как донор. А теперь кто может сказать, почему наш пленник выбрал именно Максима?

Я уже понял. Судя по поднятым рукам, поняли это и остальные,

– Да, Семен?

– Потому что, – он встает с места, – Оружейник, то есть Максим, самый эмоциональный среди нас.

– Ты прав, но лишь отчасти, – отвечает ему Учительница. – Потому что он не столько эмоциональный, сколько несдержанный, а это говорит об отсутствии или о слабом контроле над своими эмоциями.

Вот уж не сказал бы! Я, конечно, не отрицаю того, что эмоционален, но насчет несдержанности... Наоборот, зная свой характер, я стараюсь всегда контролировать себя. У многих, с кем я общаюсь, складывается мнение, будто я чересчур необщителен и даже замкнут.

– Есть разница, – Марина Яковлевна будто читает мысли мои, – между несдержанностью в мыслях и чувствах и несдержанностью в поведении. Да, ты часто отмалчиваешься и не принимаешь активного участия в обсуждениях и разговорах на моих занятиях, но, согласишься, это вовсе не значит, что ты в этот момент эмоционально спокоен.

Честно говоря, под таким углом я не рассматривал этот вопрос, и мне приходится согласиться с доводами Учительницы.

– Хорошо, что ты это понял, – кивает она в ответ.

– Вы научите быть сдержанным? – спрашиваю я, не вставая с места.

– Это будет наш первый урок, – серьезно отвечает Марина Яковлевна и обращается ко всем: – Если вы думаете, что Максим сильно отличается от вас, то ошибаетесь. Каждый из вас представляет собой яркую личность, которая не может быть неэмоциональной. Просто некоторые могут достаточно хорошо скрывать свои чувства, но на образе вашего мышления, на вашем поведении и способе принятия решений это не сказывается. Как вы видите, даже самые примитивные твари, одна из которых находится перед вами, способны управлять чужим сознанием. А уж ваше для нее – как мед для мухи. Поэтому умение защищать себя не только от физического воздействия, но и от так называемых ментальных атак является одним из приоритетных направлений в вашем обучении. Первый, самый сложный, шаг вы уже сделали. Умение контролировать мысли при подготовке к «созерцанию» – ключевой момент в вопросе подготовки защиты от воздействия тварей. Вообще существуют два способа так называемой защиты. Первый, самый простой и надежный, – это изолировать свое сознание. Чтобы вам было понятно, о чем идет речь... Вы должны представить себя камнем. Или деревом. Не просто представить, а свято в это поверить. Вы же не думаете, что у камня или дерева могут быть какие-то мысли, тем более эмоции. Когда вы настроитесь нужным образом, твари перестанут ощущать вас. Но это не значит, что они не смогут увидеть вас, если вы будете находиться в зоне прямой видимости. Подобный прием используется довольно редко, в первую очередь, потому, что подразумевает не только ментальную пустоту, которую ощутит тварь, но и состояние полного физического спокойствия самого Плетущего. А это означает, что для начала он должен где-то спрятаться и укрыться от чужих взоров. Второй способ – прямая противоположность первому, его антагонизм. Плетущий не скрывается от тварей, но в случае ментальной атаки, когда возникает угроза оказаться под чужим контролем, он бьет в ответ. И чем сильнее противопоставляемые эмоции Плетущего, тем хуже придется твари. Вам также нужно знать очень важный момент. Если Плетущий встречается с группой тварей, риск подвергнуться ментальной атаке минимален, ничтожен. Как бы странно это ни звучало, но, находясь в стае, твари не пытаются подчинить себе чужое сознание. По крайней мере, до сих пор подобного не происходило.

Я перевожу взгляд на клетку, в которой заключена тварь, и невольно наши взоры скрещиваются.

– Только попробуй, – цежу я еле слышно сквозь сжатые зубы.

Пленник отводит глаза и больше на меня не смотрит. Рана на его ноге продолжает кровоточить, но сей факт не доставляет созданию особого беспокойства.

– Пример второго способа защиты от ментальной атаки этого создания, – продолжает Марина Яковлевна, – был продемонстрирован только что Максимом.

Удивленные взгляды одноклассников останавливаются на мне, но я и сам испытываю не меньшее недоумение.

– Он сделал то, о чем я вам только что говорила, – ударил в ответ, и удар этот был довольно сильным, если тварь так бурно на него отреагировала. И пусть вас не сбивает с толку

нанесенная Максимом огнестрельная рана. Гораздо больнее твари было получить ментальную плюху, чем 9-миллиметровую пулю...

Спустя год каждый из нас был способен на какое-то время погружать сознание в ментальную пустоту, становиться камнем или деревом, как говорила Учительница. Несмотря на ее заверения, что самое сложное из этого мы уже усвоили, когда изучали «созерцание», учеба по данному предмету проходила тяжело. Однако время шло, мы отдавали обучению огромное количество сил и становились более подготовленными. Мы изучали военное дело, психологию, физику, непрестанно зубрили и повторяли химию, органическую и неорганическую. Молекулярные структуры, атомные решетки, устройства того или иного вида оружия, принцип роста и развития растений, строение человеческого тела, ментальная прострация, способы воздействия на воздух, воду и почву, работа с «дверьми» – все это и многое другое мы изучали, и спустя какое-то время снова возвращались к тому же, закрепляя усвоенный материал.

Скорость. Скорость работы Плетущего, скорость с которой он плел ткань сна, скорость, с которой он мог отреагировать на угрозу: защититься и ударить в ответ. Скорость воздействия на окружающее пространство. Скорость, с которой он мог покинуть сон, избегая смертельной опасности. Скорость была нашим главным противником, с которым мы непрестанно боролись. Десятки минут, необходимых на то или иное действие, превращались в минуты, а потом – в секунды. И к моменту сдачи выпускного экзамена время, что мы тратили на работу, измерялось именно в секундах...

Глава 5

Шел последний день экзамена. Все индивидуальные задачи были уже сданы, и оставалось только найти выход из настоящего лабиринта сновидений. Это было групповое задание. Я прекрасно помню, как мы блуждали по мирам снов в поисках подсказки, куда двигаться дальше. Как правило, они находились у людей, которых мы должны были спасти от монстров и собственных страхов, порождениями которых эти твари, собственно, и являлись.

Мы были измотаны, потому что уже десятую ночь подряд не могли нормально выспаться и дать сознанию отдохнуть. После очередной двери, своеобразного мгновенного прохода между различными снами, мы оказались в странном месте с постапокалиптическим пейзажем. Наверное, когда-то это был город, потому что вокруг, куда ни глянь, видны развалины зданий. Многие из них сохранили высокие стены, но не оставалось сомнений, что никто не может жить в этом пугающем пустом месте.

Я помню, как мы брели по пустынным улицам, поднимая в сухой воздух грязно-рыжую пыль, как над нами висело багровое небо без солнца и луны, как мертвые здания глядели пустыми глазницами оконных проемов. Мы должны были найти зеленую дверь, но, где именно ее искать, никто не имел представления.

Нас постоянно тревожили твари. Их было много, они были разных форм и размеров. Именно в тот день я смог всецело продемонстрировать свой талант и лишний раз показать умение или, правильнее сказать, любовь к оружию. С первого дня, когда мы начинали изучать огнестрельное оружие, я понял, что это моя настоящая слабость. Я любил и до сих пор люблю стрелять, чувствовать в руке смертоносную тяжесть и приятную прохладу металла. Люблю, когда автомат по-дружески толкает в плечо, а вылетающие из него пули с огромной скоростью летят в цель. Как никому другому в нашей группе, мне удавалось легко работать с оружием, а Клаус мог только недовольно хмуриться, когда не успевал за мной. Хотя, говоря по правде, демонстрация собственных талантов волновала меня, да и остальных, меньше всего. Мы были слишком измотаны, времени оставалось мало, а зеленой двери нигде видно не было.

В последний день экзамена мы уничтожили огромное количество тварей. Учительница предупреждала, что не все из них будут фантомными. Многие будут самыми настоящими, а значит – смертельно опасными.

Мы долго бродили по мертвому городу. Больше всего он был похож на давным-давно брошенный, а не на разрушенный. Нам казалось, что лабиринту улиц и переулков не будет конца. На очередном коротком привале мы расположились на площади, чтобы контролировать как можно большее пространство вокруг. На Кате и Соне от усталости не было лиц, да и парни выглядели не лучше, хотя старались не показывать виду. Мертвые и безжизненные здания в пять-шесть этажей окружали площадь, и только с одной стороны архитектурный «ансамбль» был нарушен протяженным и высоким зданием. Его окна были темными, но еще более удивительным был купол на крыше. Я сидел на земле, как вдруг подумал... Признаться, поначалу я посчитал неожиданную мысль бредовой и сразу отмел ее, но она не давала мне покоя, заставляя рассматривать ее под разными углами. В конце концов, других идей не было.

Воспоминания о тех событиях становятся все четче, обретая форму и объем. Мне кажется, я вновь чувствую дуновение сухого горячего ветра, поднимающего грязную пыль. Будто мои глаза снова видят низкое багровое небо без солнца и изможденные лица друзей...

Я делаю несколько глотков воды, прежде чем начать говорить.

– Есть идея, – роняю я.

Ребята с вялым интересом оборачиваются и устало смотрят на меня. К этому моменту мы блуждаем по руинам города уже несколько часов, и все отлично понимают: если мы не

найдем выхода до утра, весь экзамен будет провален. А при мысли о том, что придется заново его сдавать, лично меня передергивает.

– И что придумал наш Оружейник? – пытается пошутить Рыжий, и его губы дергаются в подобии улыбки.

Прежде чем ответить, ловлю на себе взгляд Клауса. Должен сказать, он ведет себя совсем не так, как обычно. О нет, он не пытается с нами говорить или по-другому показать свое доброе отношение. Если бы я его не знал, то решил, что он кажется грустным. Он не отвечает на вопросы, отделяясь кивками или покачиванием головы. Не знаю и знать не хочу, что является причиной такого поведения. Пусть хоть на голове стоит – мне все равно, как и остальным. Главное, чтобы никого не доставал и держал при себе свое мнимое высокомерное превосходство.

– Мне кажется, – начинаю я, – нам не следует убегать от тварей.

– Мы от них и не убегает, – мрачно произносит Сергей, он же Угрюмый.

– Я неправильно выразился, – поправляюсь. – Думаю, нам следует изменить тактику.

– Что ты хочешь сказать? – устало интересуется Соня.

– То, что нужно двигаться навстречу тварям.

– Как это? – не понимает Семен.

– Куда мы собирались идти после привала? – вместо ответа спрашиваю я.

– Не знаю, – он неопределенно пожимает плечами. – Все равно, но не туда, откуда пришли.

– А я думаю, мы должны идти туда, – и указываю рукой в сторону, откуда несколько минут назад на нас была предпринята очередная атака.

– С той стороны напали твари, – задумывается Соня.

– Мне сейчас все равно, – роняет Катя. – Я так устала, что пойду куда угодно, лишь бы найти эту дурацкую зеленую дверь. Я даже думать не хочу о том, что мы можем провалить экзамен, и через год снова его сдавать. Я не выдержу, – она обреченно вздыхает.

– Выдержишь, – без тени эмоций произносит Рыжий, – потому что для подготовки будет целый год.

– Хватит! – повышает голос Соня. – Никто пересдавать экзамен не будет. Мы найдем выход. У нас в запасе есть время, но его не хватит, если мы будем ныть и спорить.

– Я не ною... – пытается вставить Катя, но я не даю возникнуть новой словесной пикировке.

– Я иду, – говорю, поднимаясь на ноги. – Кто со мной?

Кряхтя и бормоча под нос, поднимаются остальные. Да уж, вид у нас еще тот: все уставшие, грязные, но с горящими непобедимым упорством глазами. Иначе нельзя. Там, где сил не хватает, ведет воля.

Спустя полчаса блужданий по мрачным улицам я начинаю сомневаться в правильности новой тактики – двигаться туда, откуда на нас нападают твари. Кате уже не хватает сил удерживать автомат, и она использует пистолет. Соня крепится, но видно, что и она скоро перейдет на более легкое оружие, чем Калашников. Парни – Семен, Клаус, Сергей и я – стараются изо всех сил. Все уверены, что за оставшееся время мы не успеем найти выход, но все равно продолжают упорно продвигаться вперед. Хотя «вперед» – это громко сказано, потому что за последний неполный час мы успели добраться только до правого крыла большого здания на площади, того, которое с куполом. Преодолев всего сотню метров мы отбиваемся от двух яростных атак и уничтожаем приличное количество тварей.

Вблизи здания, которое мы по умолчанию назвали Ратушей, становится ясно, что оно сохранилось лучше остальных. Заглядываем в темные провалы окон и убеждаемся, что внутри до сих пор сохранились межэтажные перекрытия, но, как ни вглядываемся во мрак за стенами и как ни светим фонарями, зеленой двери не видим. Лезть внутрь нет желания больше потому,

что твари появляются не из здания, а из-за него. И мы, следуя своей установке, продвигаемся дальше мимо погрызенных временем стен.

Едва миновав угол, нас снова атакуют. Твари, напоминая пауков, ожидают нас небольшой группой. Издавая неприятное шелканье, они бросаются плотной толпой. Свинцовый шквал встречает их, останавливает и отбрасывает назад. Наши пули безошибочно находят цели – трудно промахнуться в надвигающихся сплошной стеной монстров, ведя огонь практически в упор. Все заканчивается, едва начавшись. Последняя тварь в судороге издыхает, тает в воздухе, и следующие несколько секунд слышны только щелчки вставляемых в оружие полных магазинов.

– Они ниоткуда не пришли, – запоздало отмечает Соня, вытирая с лица пот.

– Да, как будто ждали нас, – добавляет Рыжий.

– Может, мы уже близко к цели? – с надеждой говорит Катя.

– Может быть, – оглядываюсь.

– Куда дальше? – спрашивает Сергей. Кажется, что хмуриться сильнее, чем он делает это обычно, невозможно, но это не так. Угрюмый еще и сильно щурится и кривится, будто целиком съел лимон.

– Пройдем немного, – говорю я и первым шагаю вдоль стены.

Клаус за все время не сказал ни слова, хотя наравне со всеми принимает самое активное участие в отражении многочисленных атак, и темп его стрельбы уступает разве что моему. Но подобные мелочи, касающиеся его поведения, заботят нас меньше всего. Мы думаем только об одном: как бы поскорее найти выход из этого осточертевшего города.

Ветер заводит заунывную песню и принимается носиться обиженным сквозняком сквозь проломы и бреши мертвых зданий. Багровые небеса опускаются ниже, будто намереваются раздавить нас мрачной необъятной тяжестью. Пыль от ветра упорно лезет в глаза и нос, и приходится закрыть лица платками. Проходит, наверное, минута, и видимость в этой плотной завесе рыжей пыли чрезвычайно падает. Тем не менее, я могу рассмотреть кое-что интересное.

Трогаю Семена за плечо, не желая разговаривать из-за пыли, и указываю на стену Ратуши. Рыжий послушно смотрит, куда я показываю, и кивает. Следуя моему примеру, он жестами привлекает к себе внимание остальных, и до меня доносится его громкое: «Смотрите!»

То, на что показывает Рыжий, по меньшей мере, необычно. У Ратуши с этой стороны практически нет стены. Два нижних этажа скрыты от наших взглядов кирпичной кладкой. Выше видны «внутренности» здания, будто бы стена развалилась. Словно по приказу, взбесившийся ветер прекращается, хотя пыль еще несколько минут висит в воздухе. В тишине, которая кажется мне оглушающей, Семен шепотом говорит:

– Дверь.

В ту же секунду воздух взрывается нашими радостными криками. Но мы быстро успокаиваемся и принимаемся решать, как добраться до пятого этажа, на котором сквозь пролом все более отчетливо виднеется кусок белой стены и ярко-зеленая дверь с круглой металлической ручкой. Спустя всего минуту коротких обсуждений мы решаем забраться в здание через оконные проемы и уже внутри искать лестницу на верхние этажи. С горящими глазами и веселыми шутками – и откуда только силы взялись! – мы пробираемся внутрь, помогая девочкам, и отправляемся на поиски лестницы.

Темные коридоры и переходы встречают нас угрюмой пугающей тишиной. Мне приходится довольно резко осадить чрезмерно развеселившегося Семена:

– Не шуми.

– Да ладно, Макс, мы уже у цели. Осталось только подняться на пятый этаж и...

– Не шуми, – злым голосом повторяю я, заглядывая ему в глаза.

– Ты чего? – удивляется Рыжий.

– Здесь могут быть твари.

Мои слова повисают в воздухе мрачным предостережением и заставляют друзей утихнуть. Замечаю, как Клаус одобрительно кивает, а Сергей снова хмурится и недовольно щурит глаза.

– Ты прав, – говорит Соня, – нам еще рано радоваться и шуметь тоже нельзя. Может быть, здесь действительно есть твари.

– Давайте поделимся, – предлагает Семен. – Так мы быстрее найдем путь вверх. Нас шестеро, поделимся на две группы по трое.

– И как же ты дашь знать остальным, если первым найдешь лестницу? – спрашивает Катя, и все недоуменно смотрят на нее.

– А это что? – Рыжий достает из-под рубашки ожерелье из табичей.

– А, ну да... – растеряно отвечает она и добавляет устало, – Я уже ничего не соображаю.

– Идея неплохая, – говорю я, – но, по-моему, рискованно разделяться и дробить наши силы. Можно ведь и в самом деле наткнуться на тварей.

– Если это произойдет, свяжемся друг с другом, хотя о нападении сразу станет известно по выстрелам, – приводит в свою пользу разумные доводы Семен.

– Хорошо, я – за. Так мы действительно имеем больше шансов найти лестницу быстро, чем если будем двигаться одним отрядом.

– Я тоже за, – соглашается Соня.

– И я.

– И я.

– Я тоже.

Клаус снова ничего не говорит, но кивает, когда все смотрят на него.

– Кто с кем идет? – оглядываю ребят.

– Я пойду с Семеном, – сразу говорит Сергей.

– Я с вами, – тут же добавляет Катя.

– Хорошо, значит, мы с Соней и Клаусом идем второй группой.

– Договорились.

– Тогда расходимся.

Здание оказывается большим и со множеством коридоров, тупиков и переходов. Но все равно мы часто видим друзей из другой группы. Вскоре наши пути расходятся, и мы теряем друг друга из виду окончательно. Соня, по моей просьбе, каждые несколько минут связывается с Катей, проверяя, как проходят поиски и все ли в порядке.

Мрак темных коридоров неохотно отступает перед светом электрических фонариков, а звуки шагов глотает толстый слой пыли на полу. Вдоль стен расположены дверные проемы. Они ведут в небольшие помещения. На их проверку уходит гораздо больше времени, чем хотелось бы. «Созерцать» на ходу довольно тяжело, а специально останавливаться для этого никто не хочет. Если бы это был обычный сон, никто не стал бы пренебрегать «созерцанием», но здесь и сейчас твари могут появиться в любой момент из ниоткуда. Можно «созерцать» и никого не видеть, а через секунду уже прет толпа монстров. Такое было и не раз. Поэтому мы не утруждаем себя «созерцанием».

Тут и там на стенах, потолке и на полу видны небольшие трещины. Изредка в коридор, по которому мы двигаемся, проникает свет из помещений слева – в некоторых из них есть окна. Свет льется неровным багрянцем и ускоряет проверку комнат с этой стороны.

Спустя четверть часа осторожных блужданий по темным коридорам мы попадаем в большое помещение с высоким потолком. Здесь намного светлее, поскольку свет проникает сквозь высокие окна. Судя по всему, когда-то это был холл, из которого на площадь, где мы недавно располагались на короткий привал, выходит несколько широких дверных проемов.

– Площадь, – шепот Сони за спиной. – Мы там были.

Ничего ей не отвечаю, отделавшись лишь легким кивком. Клаус пытается обойти меня сбоку, чтобы выйти в холл, но я придерживаю его за руку и в ответ на недоуменный взгляд показываю на пол, где в глубокой пыли отчетливо просматриваются следы. Парень следит за моим взглядом и, увидев следы, напряженно сжимает губы. Спустя секунду и Соня обращает внимание на цепочки отпечатков чьих-то конечностей – ничего общего с человеческой ступней они не имеют. Девушка сдавленно охает и отступает за наши спины. Судя по количеству следов, незваных гостей не меньше дюжины. Попав внутрь с улицы, они прошли через холл и углубились в здание в сторону Семена и его группы.

– Свяжись с Катей, – еле слышным шепотом обращаюсь к Соне, – и предупреди, что в здании твари.

Девушка кивает, достает ожерелье из табичей, выбирает нужный и концентрируется на нем. В ту же секунду мертвая тишина взрывается гулким треском автоматной очереди и громкими криками, перемежаемыми иными звуками, подходящими на рычание.

– За мной! Быстро! – бросаю я ребятам и выбегаю в холл, направляясь туда, где гремят выстрелы. Отчетливо слышу искаженные замкнутым пространством двойные автоматные очереди и редкие, почти неслышные на их фоне, хлопки пистолетных выстрелов. Ну да, Катя же отказалась от автоматной тяжести!

– Максим! – догоняет меня испуганный вскрик Сони.

Я невольно вздрагиваю, услышав страх в ее голосе, оглядываюсь и сразу поднимаю автомат. Сквозь дверной проем, ведущий на площадь, и сквозь стрельчатые окна пробираются твари. Мой разум все еще пытается анализировать увиденное, а палец уже вдавливают спусковой крючок и дает путь стремительной неотвратимой смерти. Краем глаза отмечаю, что Клаус открывает огонь с заметным опозданием, практически одновременно с Соней. Звуки автоматных очередей за спинами, где ведет бой вторая группа, тонут в грохоте наших выстрелов.

На этот раз тварями оказываются жуткие создания с человеческим телом, но вместо ног у них – змеиные хвосты. От страшного взгляда их широких белесых глаз становится не по себе, и это подстегивает нас обороняться эффективно. Мы успешно сдерживаем натиск монстров, пока у Сони и Клауса не заканчиваются патроны. Я использую боезапас экономнее, потому что веду огонь одиночными выстрелами. Монстры подступают близко, пока ребята меняют магазины. Теперь твари уже внутри здания. Считая про себя секунды, когда же Клаус или Соня наконец заменят магазины, опустошаю свой рожок. Не трачу время на «воспроизведение» нового, выхватываю из кобуры Берету и открываю огонь, ни разу не промахнувшись. Наконец-то! Не успеваю я дострелять обойму, как автомат Клауса снова начинает стучать, а спустя несколько секунд к нему присоединяется Соня. Почему Клаус так долго возился? Целых семь секунд! Я прекрасно помню, что он в состоянии «достать» автомат за неполные пять секунд. Решив не забивать голову неуместными вопросами, концентрируюсь на атакующих монстрах, которых, несмотря на большие потери, меньше не становится. Мы дважды меняем позиции, уходя то влево, то вправо от заволакивающего порохового дыма выстрелов.

Яростный натиск тварей заметно ослабевает, когда мы отстреливаем по три магазина каждый. Монстры не оставляют попыток добраться до нас, пока последний из них не падает замертво. Все оказывается кончено за несколько минут. Ожидаемая, но с другой стороны неожиданная атака захлебнулась, и последний наш враг исчезает, погибнув в безрассудной попытке добраться до нас.

В безмолвии слышно протяжную заунывную песню усилившегося ветра и наше громкое хриплое дыхание. Нет, больше тварей не видно. Похоже, мы перебили всех.

Не сразу до меня доходит, что тишину не нарушают автоматные очереди со стороны Семена и ребят. Я суетливо извлекаю ожерелье из табичей, выбираю нужный, сосредотачиваюсь и вызываю перед внутренним взором образ Рыжего.

– Что? – отрывисто бросает он, и я вижу его бегущим по ступеням.

– Как дела?
– Лестницу мы нашли, – с отдышкой отвечает Семен.
– Я вижу. У вас был бой?
– Да, – он оглядывается назад и, повысив голос, кричит: – Быстрее, быстрее! Серега, не отставай!
– Куда вы бежите? – не понимаю я. – Подождите нас.
– С удовольствием так бы и сделали, – у него даже получается изобразить слабое подобие улыбки, – вот только тварь, что гонится за нами, не позволит нам!
– Какая тварь?
– Не знаю, Макс, но пули ее не берут!
– Она одна?
– Была одна. Остальных, что поменьше, мы перебили.
– Где вы сейчас?
– Поднимаемся на пятый этаж. Надеюсь, успеем добраться до двери раньше, чем тварь догонит нас.

До меня доносится тоскливый вой, слышный как через табич, так и без него, отчего кажется, что он двойится и гулким эхом звучит вокруг.

– Вот, опять она воет! – мне кажется или на самом деле я слышу в голосе друга панические нотки? – Ладно, Макс, будьте осторожны, а мы попытаемся как можно быстрее добежать до двери.

– Понял тебя. Удачи.
– Вот еще что, – задыхаясь от отдышки, бросает он.
– Слушаю.
– Ага! Я уже вижу дверь! Быстрее! Серега, быстрее! – до моих ушей доносится испуганный вскрик Кати. – Когда мы уйдем через дверь, снова вызови меня по табичу, и я вернусь.
– Я могу прямо сейчас вытянуть вас к себе, если вы не успеваете, – быстро отвечаю я.
– Нет, сейчас не надо, – он резко машет головой. – Мы успеем, к тому же Катя слишком устала, чтобы снова бегать по этажам. И Угрюмый, похоже, ногу подвернул – еле бежит.
– Ты тоже не в лучшей форме.
– Ничего, потерплю, а вам лишний ствол не помешает.
– Заперта! – слышу отчаянный крик Кати.
– В сторону! – рычит Семен. – К черту!

Я вижу, как он на миг замирает, а в следующую секунду обрушивает на дверь сильнейший удар ногой. Что-то громко хрустит, звякает, и зеленая дверь широко распахивается, открывая выход из этого сна.

– Катя, пошла! Серега, давай! Все, Макс, до встречи! – кричит Рыжий и бросается в дверной проем, оглянувшись напоследок и охнув при этом изумленно и испуганно.

Я прерываю связь и поворачиваюсь к Соне и Клаусу.

– Ну что там? – сразу спрашивает меня девушка.
– Они выбрались, – коротко отвечаю я.
– Без нас?! – недоуменный взгляд.
– У них не было выбора, – поясняя ей. – За ними гнался какой-то монстр.
– А стрелять в него они не пробовали? – сколько же сарказма в ее голосе!
– Семен сказал, что пули не берут тварь.
– Как это?
– Не знаю, – пожимаю плечами.
– И что же нам делать?
– То, что и планировали, – искать лестницу на пятый этаж.
– А как же монстр?

– Что-нибудь придумаем. В крайнем случае убежим. Ребята же смогли, значит, и мы сможем.

– Было бы здорово, если бы Рыжий смог вытянуть нас к себе, – с сожалением произносит Соня.

– Ты же знаешь, что правилами экзамена это запрещено, – напоминаю ей.

– Это и плохо, – шумно вздыхает она.

– Ладно, пора идти, – говорю я и обращаюсь к парню: – Клаус, Семен сказал, пули не берут ту тварь, что гналась за ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.